

КСЕНИЯ КА
БИЛЕТ ДОМОЙ

18+

Ксения Ка Билет домой

<https://litres.ru/73979681>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мрачная и таинственная история о поездке на Байкал, которая перевернула с ног на голову жизни нескольких молодых людей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	67
Глава 7	77
Глава 8	87
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Ксения Ка Билет домой

Глава 1

Ближайшие несколько дней мы с Ри планировали провести в Листвянке — небольшой деревне на самом берегу Байкала, выживающей исключительно за счёт толп российских и китайских туристов. Здесь у знакомых Марины был гостевой дом, и они любезно согласились поселить нас в одной из свободных комнат. Мы не стали сразу вводить их в курс дела и рассказывать о случившемся, просто придумали банальную причину для прикрытия: московская подруга приехала на Байкал, чтобы отдохнуть от городской суеты и насладиться красотой природы.

Листвянка для меня оказалась местом радикальных контрастов. На первой береговой линии — сплошь новенькие гостевые дома, кафе, сувенирные лавки, развалы с копчёной рыбой, а стоило чуть отойти от берега вглубь деревни, тебя встречали скромные покосившиеся дома с небольшими участками и огородом, старые пересохшие колодцы и объявления вроде «воды нет, набирать из колонки на улице Островского».

«Люди живут на берегу огромного пресноводного водоёма, а воды нет. Парадокс!» — подобные разговоры я вела сама с собой, прогуливаясь ранним туманным утром по пустым деревенским улочкам.

Марина проснулась ближе к 11 и была в совершенно разбитом состоянии, это сразу было заметно по отсутствующему взгляду и слегка заторможенным движениям. Ри сидела на краю кровати и смотрела в пол.

— Завтракать будешь? — вопрос мой прозвучал вкрадчиво и заботливо, будто родитель вошёл в залитую утренним светом детскую, чтобы разбудить к завтраку ребёнка, ещё не вполне проснувшегося от ночного сна.

— Только кофе. А сигареты остались?

Ри даже не подняла на меня глаза. Только вчера мы вернулись с Ольхона, всё произошедшее там казалось нереальным. Я не до конца осознавала серьёзность ситуации, наивно тешила себя иллюзией, что вот буквально завтра всё станет как прежде. Но, разумеется, как прежде уже не стало. Я думала, что прекрасно понимаю чувства Марины в тот момент, хотя она ничего не говорила.

— У меня в рюкзаке точно есть ещё пачка Винстона, подойдёт?

— Угу.

Ри без особого энтузиазма встала с кровати, вытащила из моего рюкзака пачку сигарет и вышла из комнаты, слегка хлопнув дверью. Пару минут я стояла у окна и смотрела, как

хозяйский сторожевой пёс лает на прыгающих по лужайке трясогузок. Не уверена, что щенок маламута идеально подходит на роль охранника и защитника, но, когда он подрастёт и окрепнет, один его басовитый лай сможет спугнуть соседскую шпану, без спроса перелезшую через забор, чтобы поживиться яблоками или грушами.

За кофе нужно было спуститься по скрипучей узкой лестнице на первый этаж дома и постучать в дверь, ведущую на кухню. Там работала приветливая немолодая женщина по имени Татьяна. У неё были длинные седые волосы, толстая у основания и тонкая, почти прозрачная, у кончика коса, перевязанная красной ленточкой, доходила до самого пояса.

— Доброго утрачка! А где же соседка твоя? Что будете кушать? — голос Татьяны был мягким, обволакивающим, будто она не случайная незнакомка, а моя родная бабушка, которая жарит блинчики на своей уютной дачной кухне.

— Доброе утро! Соседка вышла покурить на крыльцо. Я сегодня за добытчика пропитания.

Татьяна негромко рассмеялась, цокнула языком и покачала головой.

— Зря это она.

— Что, простите?

— Подруга твоя зря курит эту отраву. Молодая же совсем, ей ещё детей рожать.

— А, ну да. Ошибки молодости, — мне не хотелось огорчать Татьяну вестью о том, что я тоже курю, поэтому я деликатно умолчала. — Мне, пожалуйста, омлет с сыром и булочку с корицей. И два кофе — один чёрный с сахаром, один просто с молоком.

— Из еды точно всё? А то скоро полдень уже, завтрак закончился, а до обеда ещё далеко.

— Точно всё, мы пообедаем где-нибудь, спасибо!

Татьяна кивнула, налила две кружки кофе и сразу отдала их мне вместе с ароматной булочкой, завернутой в белую салфетку. Я взяла свою кружку и взглянула на своё отражение в блестящей глади тёмно-коричневой жидкости и сразу сделала несколько больших глотков. Кофе был обжигающим и приторно горьким, давно я не испытывала таких противоречивых вкусовых ощущений. Булочка в свою очередь была почти идеальной — не слишком сладкой, с ярким ароматом корицы и сливочного масла.

— Пожалуйста, приятного аппетита! — жизнерадостно объявила Татьяна, поставив передо мной тарелку с омлетом. Сбоку на тарелке лежали несколько кружочков огурца и три дольки помидора, а сверху на омлете красовалась веточка укропа.

— Спасибо большое, выглядит превосходно! — в моём восторге не было притворства, такая подача возвращала меня в далёкое детство, а это было так приятно.

Стоило мне обернуться чтобы направиться к столику, я краем глаза заметила хлопнувшую входную дверь. Марина вернулась с крыльца, выкурив, кажется, десяток сигарет. Она подошла к столику и молча села, устремив всё тот же неподвижный взгляд в чашку кофе.

— Тебя долго не было, сколько сигарет ты скурила, штук десять? Кстати, кофе ядрёный, не советую на пустой желудок пить его, хоть он и с молоком.

Ри посмотрела на меня впервые за утро, причём таким леденящим душу взглядом, что мне стало как-то не по себе. Лучше бы она так не смотрела, в голове сразу закружился вихрь тревожных мыслей.

— Ри, да что ты так переживаешь? Я уверена, это какое-то недоразумение. В ближайшее время мы всё выясним.

— Ты вообще ничего что ли не понимаешь? — в её голосе слышалось явное раздражение. — Думаю, нам надо прокатиться. Поедем на Майлгар, там и поговорим обо всём.

— Что за Майлгар? — перспектива ехать куда-то далеко, тем более пускать Ри в таком состоянии за руль, мне совсем не нравилась.

— Это гора в Прибайкальском национальном парке. Доедем туда на машине. Там и спуск к воде есть, прогуляемся. Проветрить голову всем будет полезно. Ну и ты же не зря в такую даль приехала, покажу тебе природные красоты.

— А сколько ехать?

— Часа два, если повезёт. Не бойся, я много раз туда ездила, тебе не о чем волноваться. А если и есть о чём, то точно не о сегодняшней поездке.

Её слова заставили меня задуматься. По сути, я мало что знала о Марине. Хорошо запомнилось только что она работала кондитером в небольшом кафе в Иркутске, но всегда мечтала стать экскурсоводом и проводить водные прогулки

на катере своего погибшего отца. За несколько дней крайне трудно узнать человека по-настоящему, а она вдобавок была немногословна, и обсуждали мы в основном планы, а не своё прошлое или настоящее. Я начала перебирать в голове идеи, о чём мне стоило волноваться. Сразу всплыли истории о пропавших туристах, об однокласснике Кира, которого нашли мёртвым в лесу.

После завтрака мы вернулись в комнату за рюкзаками и направились к машине. Ехать два часа, а может и больше, по разбитой местной дороге нам предстояло на старенькой ржавой Ниве. Выглядела она печально, даже жалко: белый когда-то кузов был вкруг усыпанный вмятинами и сколами, ржавчина местами проела металл насквозь. Машина принадлежала брату Марины, на ней она приехала в Листвянку из Иркутска и в принципе часто одалживала её для поездок. Молча сев в машину, я первым делом пристегнулась, как будто пристёгнутый ремень мог спасти мне жизнь при аварии в машине, не оборудованной подушками безопасности. Путь до горы Майлгар показался вечностью. Автомобиль был сильно уставшим, движение сопровождалось нескончаемым грохотом, скрипом, стуком. Постепенно я адаптировалась к этой какофонии и перестала её замечать. Хриплое звучание музыки по радио совсем не скрашивало нашу поездку, но выбора не было. Марина не проронила ни слова. Не выдержав, я решила хоть немного разрядить обстановку.

— Слушай, а нет какого-нибудь диска с музыкой? Или что тут — кассеты, флешки?

— Глянь в бардачке, — Ри кивнула в сторону крохотной дверцы, испачканной какой-то краской, и закурила очередную сигарету.

Дверца бардачка скрипнула и распахнулась. Под стопкой помятых бумажек и старым дорожным атласом я нашла несколько CD-дисков. Они были подписаны синим маркером. Почерк был ужасным, мне удалось разобрать только слово «сборник», остальные слова остались загадкой.

— Ну вот, другое дело, давай попробуем этот! — я резво сунула первый попавшийся диск в магнитолу. Что-то зажужжало, щёлкнуло и из колонок послышался голос Виктора Цоя. Теперь можно было хоть чем-то насладиться помимо проплывавших за окном пейзажей. У подножья горы толпились люди. Несколько человек в оранжевых жилетках держали пачки листовок в руках. Остальные стояли возле них, разделившись на несколько групп. Я сразу поняла, что это волонтёрский поисковый отряд.

— Ри, это же Лиза Алерт! Интересно, кого они ищут?

— Они тут часто бывают, — Ри ответила так, будто люди пропадают здесь регулярно, ни единой ноты удивления или тревоги в голосе.

Марина припарковала машину на обочине, мы вышли и неспешным шагом направились к туристической тропе, ведущей на вершину. По пути я заглянула в листовки, которые раздавали волонтеры: «Пропал человек. Нелюбова Ирина, 23 года». В листовке была кратко записана вся информация, которая могла бы помочь опознать пропавшую. Я постаралась отложить эти факты у себя в голове: рост, цвет ветровки, длину волос.

— Держи, я на всякий случай взяла одну, — я протянула Марине небольшой листок бумаги с фотографией светловолосой девушки. Ри ничего не ответила, даже не взглянула в мою сторону.

Зачем она вообще привезла меня в горы? Может, хочет сбросить с вершины? А потом десятки совершенно незнакомых мне людей найдут моё остывшее тело, если его не съест медведь или стая волков.

Весь путь до вершины мы шли молча. Пешеходный маршрут по тропе занимал несколько часов, но об этом я узнала уже на месте и то, не от Марины, а из описания на стенде

с информацией. Я интроверт по своей природе и не люблю пустой болтовни, но эта тишина слишком затянулась и больше походила на затишье перед бурей.

Когда мы наконец дошли до смотровой площадки на вершине горы, Ри сразу села на лавочку подальше от края и закрыла лицо ладонями. Мне не хотелось первой начинать разговор, не хотелось в тот момент подходить и начинать утешать её. Я подошла к самому краю и посмотрела вниз. Вид открывался просто великолепный: умиротворяюще зелёная долина реки Голоустной, уютные деревенские домики, кажущиеся крохотными, будто игрушечными. А вдали простирались бескрайние воды Байкала, такого величественного и холодного.

— Да, с таким видом можно и умереть, — я произнесла это вслух, но вполголоса, так чтобы Ри меня не услышала.

Вся суматоха в моей голове затихла, замерла. Я вся будто замерла и любовалась красотой местной природы. Сама того не осознавая, я стала шёпотом бормотать себе под нос одно из любимых стихотворений Даниила Хармса:

«И вот однажды на заре

Вошел он в темный лес.

И с той поры,

И с той поры,

И с той поры исчез.»

— Что ты сказала? — Марина всё это время стояла сзади буквально в трёх метрах от меня, но я её не заметила.

— Это Хармс, — безразлично ответила я, почему-то предполагая, что любому известно, о ком я говорю.

— Что?

— Не что, а кто. Это поэт и писатель Даниил Хармс. Киру очень нравились его стихи, он мне впервые прочитал «Математик и Андрей Семёнович». С тех пор у нас появилась даже традиция что ли — в некоторые подходящие моменты цитировать Хармса. Было забавно.

— Никогда не слышала. А что там дальше в этом стихе?

Я молча посмотрела на Ри. В её бездонных изумрудных глазах стояли слёзы. Слёз было столько, что они вот-вот готовы были выйти из берегов, но какая-то сила их сдержи-

вала. Я глубоко вздохнула и продолжила читать стихотворение:

«Но если как-нибудь его

Случится встретить вам,

Тогда скорей,

Тогда скорей,

Скорей скажите нам».

Вдруг плотину, сдерживавшую слёзы, прорвало, и они ливнем хлынули из глаз Марины. Я совсем не ожидала этого и совершенно не знала, что делать. Она выглядела растерянной и бесконечно уязвимой в этот момент. Её руки дрожали, пальцы совсем не слушались — совладать с зажигалкой и прикурить сигарету удалось только с

четвёртого раза. Вся уверенность Марины, её неукротимая напористость и бесстрашие исчезло. Я видела перед собой маленькую девочку, заблудившуюся в тёмном лесу, где стволы сухих деревьев скрипят от малейшего дуновения ветра, и со всех сторон смотрят голодные хищные глаза.

— Представь, я ведь боялась воды. Боялась с тех пор, как отец пропал на своей лодке тринадцать лет назад. После недавних событий этот страх сильно обострился, я буквально не нахожу себе места рядом с Байкалом. В детстве меня из-за этой фобии отвели к психологу. Я долго ходила к нему, но лучше не становилось, я была в шоковом состоянии и почти ничего не говорила. Тогда меня направили к психиатру. Мне назначили какие-то препараты, но я не хотела их пить, я не доверяла врачам. Я была ребёнком, понимаешь? Мне было очень страшно и одиноко.

От резкого перехода Ри к таким откровениям я удивилась ещё больше. Похоже, ей нужно было выговориться, поэтому я понимающе кивала и слушала молча.

— Моя мама в тот период едва ли могла контролировать собственную жизнь. Она была в тяжёлой депрессии, но не хотела этого признавать, не обратилась за помощью. Очевидно, ей не под силу было заботиться обо мне. Не придумав ничего лучше, она отправила меня на всё лето к бабушке сюда, в Большое Голоустное. А в деревнях знаешь народ какой. Бабки-ведуньи, знахарки, шаманы. Бабушка отвела меня к одной такой знахарке. Дом её был похож на избу Бабы-Яги, повсюду развешены сушёные травы, корни, сквозь стеклянную дверцу буфета можно было разглядеть множество склянок и пузырьков с жидкостью разного цвета: от бе-

лого мутного похожего на разведённый в воде крахмал до болотно-коричневого. Казалось, в окна этого дома не проник солнечный свет, атмосфера царила зловещая. Я совсем не хотела там оставаться, чуть не плакала и просила бабушку увести меня поскорее домой, но бабушка уверяла, что только Аида может помочь с моей бедой.

История Ри пока больше напоминала мне сюжет мистического фильма. Я отчётливо представила себе дом той знахарки, который в глазах до дрожи напуганной десятилетней девочки выглядел как дом злой ведьмы из страшной сказки Братьев Гримм. Мне было любопытно, к чему приведёт этот витиеватый рассказ. Я человек прагматичный и умеющий критически мыслить, агностик, поэтому не верила в мистику и потусторонние силы, но послушать историю всегда была готова.

— Аида? Серьёзно? Интересно, это её настоящее имя или знахарский псевдоним? — от неуместного сарказма мне порой было не удержаться.

— Это реальное имя. Бабку эту всё село боялось, дом её стороной обходили, говорили, что она самая сильная знахарка, любой недуг может вылечить. Она пообещала, что поможет с моей фобией, и что болтать я буду снова без умолку как раньше. Но и испортить жизнь она тоже могла, помимо

исцеления больных, к ней обращались с разными нехорошими просьбами. Не знаю, зачем она бралась за это, вроде знахарки на светлой стороне и не связываются с подобными запросами. Однажды к ней пришла женщина вся в синяках, её муж постоянно пил и сильно избивал её и их семилетнюю дочку. Женщина буквально умоляла сделать так, чтобы он перестал пить и никогда больше не поднимал руку ни на неё, ни на дочь. Никто не хотел браться помогать ей, а Аида взялась. Только перестаралась, и муж той женщины пить бросил навсегда, потому что умер. С тех пор, все пьющие мужики в деревне стали избегать встречи с Аидой. И жён своих не пускали.

— Погоди, раз она такая всесильная, вы не думали маму твою к ней свозить? Она ж и алкоголизм, и депрессию — всё разом вылечила бы.

— Нельзя помочь тому, кто не хочет, чтобы ему помогали. Моя мать не хотела. Если против воли человека обряд совершать, может случиться как с тем мужиком — умрёт человек и всё. Меня бабушка долго уговаривала, слёзно просила, говорила — это мой шанс на счастливую жизнь. Минут сорок Аида жгла какую-то траву, шептала, водила руками, а я сидела напротив неё через стол и вдруг как-то прониклась. Мне стал интересен этот обряд или ритуал, не знаю, как назвать. Страх как рукой сняло, незнакомая мне до это-

го дня бабка оказалась единственным взрослым, которому я стала доверять. Потом она задула свечу и сказала: «Всё, идите. Ночь поспит твоя девочка и будет как прежде.» Мы ушли домой. Всю дорогу шли молча, а наутро я проснулась и не чувствовала ни тревоги, ни страха. Боязнь воды вернулась ко мне впервые за тринадцать лет два дня назад, когда с нами случилось всё это на Ольхоне. И, откровенно говоря, с тех пор как знахарка меня заговорила, я стала верить в её силу. Меня тянуло к её дому, я возвращалась туда снова и снова. Иногда даже просто поговорить, Аида всегда меня понимала. Несколько раз обращалась к ней с разными запросами, и обряды её всегда срабатывали. Не может быть, что это всего лишь совпадения. Короче, это я виновата.

— В чём виновата?

— Во всём.

Я непонимающе посмотрела на неё. Слез в глазах Марины больше не было, они превратились в два пересохших ручья, застывших мутными полосками соли на щеках. Ри смотрела куда-то в пустоту, хотя она стояла ко мне лицом, взгляд был расфокусирован и проходил сквозь меня. Пазл событий никак не складывался. Как все эти факты связаны между собой? К чему эта пугающая история из детства?

— Послушай, Дина, ты можешь мне не верить. Да, я не из Москвы, у меня есть проблемы с головой, но я не идиотка, я прекрасно слышу сарказм и издёвки в твоих словах. Я просто должна рассказать тебе это. В том, что случилось с Киrom, есть моя вина. Возможно, это вообще только я виновата во всём.

Глава 2

Эта история началась с того, что двадцать третьего ноября после пар в институте мы с Киром направлялись в низкобюджетный пивной бар, чтобы отпраздновать его день рождения. Кир был одним из моих самых близких друзей, я бы даже сказала — лучшим другом. Он старше меня на три года, сам родом из Иркутска, приехал в Москву учиться и остался, кажется, навсегда. У него явно были амбиции построить тут неплохую карьеру в маркетинге, купить квартиру, обзавестись семьёй. Пока всё складывалось удачно: Кир отлично учился в институте, уже 2 года встречался с Викой, подрабатывал и помогал родителям оплачивать ипотеку.

Мы шли от метро молча, мокрый снег врезался в лицо, сигарету приходилось держать в зубах, будто я бывалый моряк, иначе пальцы отваливались от холода. Несмотря на все усилия, сигарета предательски промокла и потухла, я с яростью бросила окурок на снег.

— Ну что за идиотская погода! — недовольно буркнула я куда-то в ворот куртки, так что Кир меня даже не услышал. Меня бы не бесила до такой степени погода, но потухшая сигарета была последней. Для курящего человека в 19 лет

это значительная проблема.

Вдруг Кир остановился, повернулся ко мне и сказал: «Ди, а давай мы вот сессии свои закроем и рванём на Байкал? Я тебе места покажу, красотища там!»

Звучало безумно, но глаза мои загорелись в предвкушении приключений. Вообще, с Киром у нас была такая дружба, что с ним хоть в огонь, хоть в воду. Как-то раз мы чуть было не сорвались поехать на дачу зимой, когда время уже было около полуночи. Нас бы не остановил холод, отсутствие транспорта, учебная суббота на следующий день или количество выпитого алкоголя. Остановило отсутствие ключей от дачи. Но с поездкой на Байкал никакого подвоха не было: лето, лучшие друзья едут тусоваться и залечивать юные максималистские сердца вином, сигаретами и разговорами до утра. Я представила себе, как мы сидим вдвоём на берегу Байкала, любимся закатом, смеёмся, вспоминая пережитые трудности, которые спустя время кажутся сущей ерундой. Мягкое тепло растеклось в груди, будто Кир по-дружески укрыл меня тёплым флисовым пледом.

— Звучит потрясающе, я с удовольствием! — недолго думая выпалила я. — А где там жить? Надо по деньгам посчитать. Времени ещё полно, конечно, но надо спланировать.

— Вот и ладненько! Поживём там в родительской квартире, там никого сейчас, её так и не сдали, пустует. Остальные детали тогда ближе к делу, — ответил Кир и прикурил сигарету.

— Бессмысленно закуривать сейчас, потухнет от снега, — я всё ещё негодовала от ноябрьской метели, но, кажется, Кира погода совершенно не беспокоила.

Кир был единственным моим знакомым, который всю московскую зиму мог проходить без шапки и почти не болел. Я поражалась этому, но объяснение виделось только в сибирском происхождении и горячей юношеской крови.

Вечер пролетал незаметно. Бокалы с пивом менялись один за другим, закуски съедались с той же скоростью. Мы с Киrom учились в разных ВУЗах, а познакомились на одной из тусовок у общего знакомого. Тогда мы разговорились о музыке, сошлись на схожих вкусах и с тех пор стали друзьями. Сначала я не нравилась его девушке Вике, которая обладала слишком вспыльчивым нравом и ревновала Кира буквально ко всем, но потом мы с ней нашли общий язык. Когда она осознала, что с моей стороны угрозы нет, всё наладилось само собой, мы даже стали близки в какой-то момент и делились друг с другом своими печальями и радостями, созванивались и иногда ходили пить кофе.

Вика — очень яркая, с огненно-рыжими крашенными волосами, цветными татуировками на руке и всегда с макияжем. Как говорят про таких девушек — девушка-праздник. С ней и вправду не соскучишься, но строить отношения, пытаясь удержаться на стремительно раскачивающихся эмоциональных качелях, было непросто.

Несколько раз мне выпадала честь выступать медиатором их конфликтов.

Я ехала домой из института, привычно громко слушая музыку в наушниках. В кармане завибрировал телефон, но плотность людского потока в вагоне не давала мне его вытащить. Я вышла на станции, где смогла спокойно посмотреть на экран потрёпанного жизнью смартфона. Пропущенный звонок был от Кира. И не один, а четыре.

— Кир, у тебя всё нормально?

— Здорова! Да, у меня всё нормально. Мы тут с Викой поцапались снова, она меня заблокировала, похоже. Как бы не повторилась та ситуация с бутылкой водки на балконе. Ди, ты можешь набрать её? Поговори с ней, а? Я не знаю, чего она бесится. Но кто-то должен её успокоить. Ты вроде умеешь это делать. Ай нид хелп! — Кир явно был взволнован, я буквально слышала, как он нервно затягивался сигаретой,

почти без перерывов.

— Поняла тебя. Да, без проблем. Сейчас наберу. Узнаю, что да как. Доеду до неё если потребуется. Всё образуется, помириться ещё. Не в первый раз же! Ты сам успокойся только, куришь как паровоз.

— Спасибо тебе! Буду должен. Хочешь, заезжай потом ко мне, выпьем чаю или чего покрепче — в зависимости от ситуации.

— Ага, наберу тогда.

Я убрала телефон и минуты три стояла на месте, пока мимо проносились куда-то спешащие люди. Для Москвы это уже норма жизни — вечно куда-то спешить. Мне не хотелось спешить. Хотелось изолироваться в тишине, абстрагироваться от этого амбициозного карьерного мира.

«Сигареты закончились», — я грустно выдохнула и решила выйти из метро, чтобы пополнить запасы, покурить и совершить один важный телефонный звонок по поручению лучшего друга. К выходу из метро вели длинные, почти бесконечные эскалаторы.

Я встала на ступеньку и всю дорогу наверх медитировала

на проплывающие тусклые лампы. На улице я набрала номер Вики, с четвертой попытки мне удалось дозвониться.

— Да, алло!

— Вика, привет! Это Ди. Ты как там?

— Нормально. Ты что хотела? — отвечала она крайне раздражённо, настрой был явно недружелюбный.

— Ты дома? Может прогуляемся?

— Там на улице дождь, тебе заняться нечем? Я дома, вены вскрывать не собираюсь, водки у меня тоже нет. Всё окей, ясно? Уверена, это Кир тебя подослал, так что звонок формальной вежливости засчитан. Заканчивай уже!

Так быстро меня никогда не отшивали. Однако, я решила предпринять ещё попытку.

— Ладно, погода дрянь, согласна, гулять не получится. К подъезду хотя бы сможешь спуститься? Я подъеду, постоим, покурим.

— Ты чего такая странная? Надеешься погулять на нашей свадьбе и поймать букет невесты? Если хочешь, приезжай.

Курить я всё равно буду выходить.

— Ну вот, другой разговор. Буду через полчаса, — я вернулась в метро и поехала в сторону станции Шипиловская, где жила Вика.

«О чём я буду с ней в этот раз говорить? Я даже не знаю, что у них опять произошло. Скорее всего, Вика в силу чрезмерной эмоциональности среагировала на очередную мелочь, а потом раздула из неё проблему вселенского масштаба. Кир редко допускал серьёзные промахи. Вернее, почти никогда. И уж точно не в отношениях. Он не изменял, был честным и искренним, помнил важные даты, умел ухаживать — жаловаться было особенно не на что. Видимо, поэтому проблемы приходилось буквально высасывать из пальца и включать режим максимальной драматизации.

Тем временем я уже выходила из стеклянных дверей метро, которые то и дело норовили наподдать кому-то из нерасторопных прохожих. На улице и вправду шёл дождь. Я накинула капюшон и направилась по знакомому маршруту — мы нередко устраивали вечеринки у Вики дома, когда её родители уезжали на дачу. Дойдя до подъезда, я позвонила ей и сказала, что жду внизу. Через пару минут железная дверь со скрипом открылась, и вышла Вика. Она куталась в чёрную толстовку, которая была ей велика размера на три.

«Наверняка это толстовка Кира», — подумала я, но ничего не сказала.

Я шагнула ей навстречу и слегка приобняла. Было заметно, что она много плакала сегодня.

— Ну, ты как?

— А что, по мне не заметно? — в голосе чувствовалась ирония и пассивная агрессия, очень характерные для Викиной манеры общения.

— Заметно, потому и спросила. Расскажешь, что у вас случилось? Кир правда переживает, но ты его заблокировала.

Мы проговорили около двадцати минут. Оказалось, Вика нашла в квартире, где Кир жил с родителями, резинку для волос. Не свою, разумеется, а какой-то другой девушки.

— У него кто-то есть, понимаешь? — Вика заговорила суетливо, нервно перебирая в руках потёртую жёлтую зажимку. — Это ведь не моя резинка, значит, там какая-то девка тусуется. Кир явно врёт и скрывает. Я больше не хочу так! — она замолчала. Потом снова взглянула на меня, её глаза

блестели от слёз. Слёз обиды и разочарования.

Самым ужасным было то, что эта злосчастная резинка — моя. Я как-то заезжала к Киру домой поговорить по-дружески и выпить кофе, распустила волосы, потому что плотно стянутый резинкой хвост усугублял головную боль, которая донимала меня всю неделю. Ну и случайно забыла её где-то на диване. Резинка упала между подушек, не было ни единого шанса, что с разрывающейся головой я стала бы её искать. Зато у Вики было предостаточно времени и сил на поиски. Мне ничего не оставалось кроме как рассказать ей всю правду.

— Вик, я тебе сейчас кое-что расскажу, только пообещай спокойно меня выслушать и не орать сразу, ладно? — нужно было максимально аккуратно преподнести эту весть, иначе мог случиться апокалипсис.

Вика заметно напряглась, но всё же кивнула головой и ждала, когда я начну рассказ.

— В общем, это моя резинка, но я всё могу объяснить. Это совсем не то, о чём ты подумала.

Я даже не успела толком договорить фразу, как в Вике начал вскипать гнев. Никакая другая тема не могла так быст-

ро вывести её из себя, но если дело доходило до ревности, перед её глазами моментально вспыхивала красная пелена и предотвратить это было невозможно.

— Я так и знала! — выкрикнула она и быстрыми шагами вернулась в подъезд.

Дверь с грохотом захлопнулась, я осталась стоять одна под дождём, который то переставал, то начинал лить с новой силой. Я поняла, что всё испортила. Хотя, портила всё сама Вика, однако переубеждать её сейчас было бессмысленно. Я докурила, бросила окурок в мокрую от дождя урну и набрала номер Кира.

— Ну как, вопрос решён? Я твой должник на век! — торжественно заявил Кир, подняв трубку.

— Прости, Кир, всё не совсем так, — в моём голосе явно звучало раздражающее меня чувство вины. — Придётся пить вино сегодня.

— Что там Вика, совсем закопалась в воображаемых изменах?

— Теперь она думает, что ты изменяешь ей со мной. Она нашла мою резинку на твоём диване. Я тогда сняла её, пото-

му что от хвоста голова болела ещё сильнее, и совершенно про неё забыла. А Вика нашла. Мне пришлось рассказать ей правду, но она не поверила и просто ушла, — я говорила так быстро, что язык стал заплетаться.

Какое-то время Кир молчал, затем я услышала тяжелый вздох, звук чиркнувшей зажигалки и, наконец, грустный, немного даже отчаянный голос моего лучшего друга.

— Думаю, нужно дать Вике время успокоиться, а потом я сам с ней поговорю. Ей трудно поверить, что мы с тобой можем просто дружить. Дружбы между парнями и девушками не бывает, непременно кто-то в кого-то влюблён и молчит. Ничего нового. Да и ты не виновата в этом. Подумаешь, резинка для волос! Это же не трусы. Одна только резинка вообще ничего не доказывает. Знаешь, я так устал от бесконечных беспочвенных обвинений в свой адрес. Наверно, пришло время нам с Викторией расстаться. Я поговорю с ней.

— Кир, ты уверен? Ты любишь её? — мне не нравилось отношение Вики к Киру, было неприятно видеть его разбитым снова и снова, но становиться причиной их окончательного разрыва, хоть и надуманной, мне не хотелось.

Кир был привлекательным парнем, он точно мог бы стать рок музыкантом, у него для этого было всё: талант, хариз-

ма, природное обаяние, уйма энергии и отменное чувство юмора. С одной стороны неудивительно, что Вика ревновала его без повода, с другой — Кир был, пожалуй, одним из самых порядочных людей, с которыми мне доводилось дружить. Похоже, Вика просто страдала от патологической ревности и мучила ей окружающих.

— Ты приедешь? Я тут картошку жарю, — голос Кира прозвучал мягко, с надеждой, что ему не придётся провести вечер в одиночестве.

— Конечно! Минут сорок и буду у тебя, — я не могла оставить его в таком состоянии. Уверена, Вика сейчас рвала и метала, рыдала в подушку и проклинала меня, Кира, всех девушек, умеющих дружить с парнями, а заодно и всех парней, ведь все они — негодяи, лицемеры и изменщики.

Дождь почти закончился, я закурила очередную сигарету и неспешно направилась к автобусной остановке, лавируя между огромными лужами, в которых жёлтыми островками отражались вечерние фонари.

Глава 3

Спустя пару дней я написала Киру, чтобы узнать, как обстоят дела с Викой. Кир сразу же перезвонил.

— Кир, привет!

— Привет, Ди! Ты где сейчас, что делаешь?

— Стою возле универа, курю. А ты? Что там с Викторией-то? — мне показалось, что Кир пытается уйти от разговора.

— Слушай, ну... Давай при встрече? Я тут по работе катался в центр, могу к тебе подъехать, а там уже решим куда двигать. Как тебе идея?

— Ладно, давай. Буду у метро ждать тебя, — докурив сигарету, я оглянулась в поисках урны. Меня не переставал поражать тот факт, что в Москве проблема с урнами — иногда как дурак идёшь и несёшь окурок в руке, хочешь быть воспитанным, не мусорить в родном городе, но сам город будто строит тебе козни на пути к чистоте. Урну от входа в институт переставили к лавочке в дальнем углу территории, потому что их зачем-то решили перекрасить из неприятного серого в не менее неприятный глазу коричневый цвет. Я подошла к урне, бросила окурок, как вдруг за моей спиной возник парень в синей спецовке, который как раз и красил несчастную урну.

— Окрашено вообще-то, зачем окурок кидать, работа ж

идёт.

— А куда кидать тогда? Других урн я что-то не вижу.

У парня на лице читалось явное недовольство. Он, видимо, ожидал, что я извинюсь и уйду восвояси.

— Там в сторону метро ещё стоят, туда и кидать, — раздражённо ответил он и посмотрел меня, ожидая какой-то реакции.

Продолжать этот диалог было бессмысленно, я лишь закатила глаза, фыркнула и пошла к метро. Не хватало только стоять и пререкаться с рабочим из-за окурка и окрашенной урны.

Я встала напротив выхода из метро и достала книгу. Не так уж часто в последнее время возникало желание почитать, но в этот раз настроение было подходящим. Я так увлеклась чтением, что не заметила приближающуюся фигуру Кира, который решил воспользоваться случаем и подшутить надо мной. Он подошёл сзади и своими ладонями закрыл мне глаза.

— Угадай, кто?

— Кир, тебе сколько, десять лет? Руки после метро грязные, а ты мне глаза ими трогаешь.

Кир только рассмеялся в ответ. Иногда мне казалось, что ему и вправду лет десять, а не двадцать три.

— Не бухти, Дин, я просто пошутил. Что читаешь?

— Перечитываю «Мастер и Маргарита», одно из любимых произведений.

— О, да, моё тоже. Так, культурная столица, куда пойдём?

— Давай до парка Горького дойдём, а там по обстоятельствам. Голодный?

— Нет, я в порядке. Лучше прогуляемся, нам есть о чём поговорить.

Мы отошли от метро и пошли вниз по улице вдоль садового кольца к центральному входу в парк. Погода была на удивление солнечной для октября. По пути мы взяли кофе, и Кир наконец начал разговор.

— В общем, мы не расстались.

Я знаю, что в таких случаях надо стараться скрыть своё разочарование, но я не смогла. Слов пока не нашлось, чтобы ответить нейтрально, а агрессивный тон мог всё испортить, поэтому я молча полезла в рюкзак за сигаретами.

— Я-то думал, позвоню ей и всё скажу. Но она сама приехала на следующий день, караулила меня возле подъезда. Потом плакала, просила прощения, сказала, что это она сгоряча и на самом деле верит в нашу с тобой дружбу, просто занесло слегка.

— И ты ей поверил? — ни секунды не сомневаясь в своём вопросе сказала я, давая понять Киру, что Вика, очевидно, врала.

— Мне показалось, что было искренне. Меня она убедила. Сказала, что любит меня и готова меняться, работать над собой, пойдёт к психологу.

Возможно, я чего-то не понимала в принципах построе-

ния отношений, у меня в этом не было значительного опыта. Да и друзья, вроде, нужны как раз для того, чтобы поддерживать и принимать выбор друг друга, а не критиковать.

— Знаешь, я рада, что вы поговорили лично. Хочется верить, что Вика действительно осознала свои ошибки и будет над ними работать. Ты сам-то рад такому исходу? Или есть сомнения?

Кир шумно выпустил изо рта сигаретный дым, растерянно поднял брови и пожал плечами.

— Не знаю. Есть моменты, которые по-прежнему меня напрягают. Вика стала часто и слишком прозрачно намекать на свадьбу. Типа уже два года вместе, чего тянуть, надо жениться пока молодые и всё в таком духе. Я бы не хотел торопиться с этим, мы ещё даже не жили вместе толком, куда нам жениться. Ты бы вот стала настаивать на свадьбе в похожей ситуации?

Моё отношение к браку Кир отлично знал. Я не считала официальное подтверждение отношений чем-то важным. Важнее всегда то, как люди относятся друг к другу, уважают ли личные границы, прислушиваются ли к потребностям любимого человека.

— Нет, это бред какой-то. Зачем вообще жениться? Только если детей планируете заводить. Но вы же не собираетесь заводить детей?

Кир заметно погрузтел, опустил взгляд и вздохнул. Стало понятно, что эта тема не была простой для него. То ли они

с Викой не сходились во взглядах относительно этого вопроса, то ли какие-то старые триггеры начинали всплывать.

— Ладно, идём в парк, Ди. Что-то меня утомил этот разговор, не будем продолжать его сейчас, если не против.

Я кивнула, и мы продолжили идти по тротуару. У центрального входа толпились люди, разделённые на группы. Как будто это группы туристов в ожидании своих экскурсоводов. Мы аккуратно протиснулись между людьми и наконец вышли к широкой аллее парка, вдоль которой росли ветвистые клёны, усыпанные разноцветными листьям.

— Что-то даже жарко сегодня, — сказал Кир и стал снимать толстовку, надетую поверх футболки. Я заметила у него на шее какую-то подвеску. Хотя раньше я не обращала внимания не неё.

— А что у тебя за подвеска такая? Можно посмотреть?

Кир молча снял её через голову и отдал мне в руки. На чёрном витом шнурке висел деревянный круг с каким-то этническим символом, вырезанном в середине. Выглядел этот амулет так, будто его тупым ножом вырезал на скорую руку пьяный мастер. Возможно, в таких делах тоже работает правило «священного Грааля» и основная ценность не во внешнем виде, а в содержании.

— Похоже на что-то языческое. Ты вступил в секту?

— Секту? Разве что в ту, где заставляют страдать ерундой и пить вино несколько раз в неделю. На самом деле, это руна какая-то. Когда я уезжал из Иркутска в Москву, Марин-

ка мне подарила. Помнишь, я тебе рассказывал про неё, мы дружим с самого детства. Она так и живёт в Иркутске, мечтает стать экскурсоводом и рассекать на катере по Байкалу. Я, кстати, всегда её называл Ри.

— Интересно! У тебя какая-то непреодолимая тяга сокращать имена подруг? Или Вику ты тоже называешь Ви? — едко хихикнула я, хитро поглядывая на Кира.

— Ну ты и язва! Вику нельзя сокращать, она мне голову за такое откусит, как самка богомола. Её можно только Лисёнком называть. В общем, Ри сказала это на память, чтобы не забывал нашу дружбу. У неё тоже есть такая штука, но соответствующая её, эм, энергии что ли. Я не помню сути. Она эти обереги у одной местной шаманки заказывала, там это популярный локальный бизнес, ну и способ заработать на туристах заодно.

— Ты веришь в силу этих оберегов, раз носишь?

— Я не особо верю, просто для Ри это очень важно. Она жутко переживала, когда я сообщил ей об отъезде. Я даже чуть было не остался, накидал вариантов, куда пойти в Иркутске учиться. Но, в итоге, я здесь. Такой вот я эгоист неблагодарный.

Удивительно, насколько Кир ценил их дружбу с Ри, что честно носил руну на шее, почти не снимая. Много сомнений

и вопросов осталось у меня в голове после этого разговора, но одно я знала точно: встретить такого друга как Кир — дорогого стоит, Ри крайне повезло.

Мы гуляли около часа, потом поехали по домам. Кир сначала предложил пойти выпить, но у меня не было настроения, хотелось побыть одной. Мы попрощались у входа в метро, Кир вошёл в стеклянные двери и слился с потоком людей.

Я достала из рюкзака наушники, включила музыку и пошла пешком вдоль проспекта. На улице было облачно, но ничто не предвещало дождя. Внезапно подул ветер, и мне в лицо полетели прохладные капли, будто кто-то держал в руках пульверизатор для опрыскивания домашних растений и случайно направил его мне в лицо. Я дошла до небольшого уютного сквера и присела на лавочку, чтобы остановить хаотичный поток мыслей, заземлиться немного и подумать о состоявшемся разговоре. Мне не давал покоя этот символ на руне, которую носил Кир, и я решила поискать в интернете информацию о происхождении подобных оберегов.

Оказалось, что разновидностей рун много, а их интерпретации весьма неоднозначны. Та руна у Кира на шее означала связь с родом или крепкую эмоциональную связь с кем-то. Неизвестно, в каком контексте Марина подарила этот оберег. Хотела ли она гарантий, что их дружба не развалится на расстоянии или пыталась сделать любовный приворот — знала только она сама.

Близи́лась зима. Учебный год уже набрал обороты, жизнь шла своим чередом. Будние дни я просиживала на парах, в выходные чаще всего ездила встречаться с друзьями. С наступлением холодов наши уличные тусовки плавно перетекли в квартиры, подъезды и дешёвые пабы. Кир продолжал строить отношения с Викой, даже стал сам задумываться о свадьбе. Мы с Викторой тоже пытались наладить контакт, но общаться так же близко, как раньше, не удавалось, мне совершенно не нравились её перепады настроения и то, как это влияло на окружающих. В тяжёлые дни я тешила себя мыслью о летнем путешествии, о котором ещё нужно было сообщить маме. Мне было уже двадцать, но я ещё не летала на самолётах без родителей. Я боялась летать. Будь моя воля, я бы вообще путешествовала только на поездах или на машине, но это сильно ограничивало выбор направления.

Нерешённым оставался ещё вопрос о финансовой стороне поездки. Билеты до Иркутска стоили дорого. Кир умудрялся откладывать каждый месяц определённую сумму из своей зарплаты контент-менеджера. Мне пока удавалось откладывать только карманные деньги, отказывая себе в покупке новых кед и походах в кино. Потом один мой знакомый предложил мне подрабатывать на написании курсовых работ. Денег это приносило немного, но выполнять заказы мне удалось достаточно быстро и стабильно. Однажды я писала курсовую для студентки первого курса факультета кибернетики,

а когда мы пересеклись, чтобы она забрала материалы, мы разговорились об учёбе.

— Ты случайно не подрабатываешь репетитором?

Её вопрос застал меня врасплох и одновременно заставил задуматься. А почему я не подрабатываю репетитором? Это было бы логично в моей ситуации.

— А что именно тебя интересует?

— Я совершенно не могу разобраться в линейной алгебре. Все эти матрицы сводят меня с ума. Кажется, ещё немного и я брошу этот чёртов институт! — в её голосе отчаяние звучало убедительно, поэтому отказать я не могла.

Мы договорились заниматься после пар два раза в неделю. Дела пошли в гору, я начала зарабатывать небольшие деньги, которые сразу откладывала на поездку. Та девушка порекомендовала меня своим знакомым, те ещё кому-то — и сарафанное радио начало работать. Я брала учеников с разными запросами, и всё получалось. Я безумно гордилась собой и, кажется, Кир тоже. Теперь никто не смог бы разрушить наши планы на лето.

Так я думала до разговора с мамой, который состоялся во время институтских каникул после закрытия зимней сессии. Мама была настроена враждебно, никакие мои аргументы не срабатывали. Я старалась сохранять спокойствие и найти более эффективные рычаги воздействия.

— Мам, да в чём проблема-то? Мне уже двадцать! Я не ребёнок! — подобные беседы всегда выводили меня из рав-

новесия, я начинала повышать голос, соответственно, адекватного диалога не получалось. Полосатый кот, мирно отдыхавший в кресле, нервно сбежал из комнаты и спрятался за диван в гостиной.

— Проблема в том, что ты собралась поехать так далеко неизвестно с кем! Что это за друг такой? Я его не видела даже! Почему нельзя поехать на дачу, например? Там и взрослые есть поблизости, и до Москвы всего час, и купаться есть где. Что там на Байкале делать?

Вечный нерешаемый конфликт родителей и детей. Я не знала, что сказать маме. Я искренне не понимала, почему не могу делать то, что хочу, даже после совершеннолетия.

Родители Кира были совсем другими. Когда Киру было шестнадцать, и он учился в десятом классе школы, его отец уехал в Москву, чтобы устроиться и перевезти туда семью. Было нелегко после стольких лет в Иркутске начинать всё заново, да ещё в столице. Но отец Кира справился, через два года Кир с мамой покинули родной город и прилетели в Москву. Родители Кира были женаты уже лет 30. Они познакомились на первом курсе института и довольно быстро приняли решение быть вместе навсегда. Любовь длиною в жизнь. Наверняка у них не было шикарного медового месяца, поездок за границу на море, дорогих часов или украшений, но это всё — мишура, она лишь отвлекает от самого главного. Шансов встретить настоящую любовь в современном мире так же мало, как выбрать среди множества дра-

гоценных кубков, искрящихся разноцветными камнями, истинный священный Грааль, который выглядит как простая глиняная чаша. И только тот, кто смог сделать правильный выбор, обретает счастье — воссоединение семьи. «Индиана Джонс и священный Грааль» — один из любимых фильмов моего детства.

Мои родители развелись, когда мне было десять лет. Я не помню скандалов или бесконечной ругани, разбитой посуды и громко захлопывающейся входной двери. Наша семья распадалась тихо. Видимо, это было затишьем перед бурей. Как-то утром родители просто сообщили мне, что больше не будут жить вместе, но это, разумеется, ничего для меня не меняет, ведь они оба меня очень любят. Им, как людям, которым не пришлось переживать развод собственных родителей, было не понять моего состояния. Да и мне не казалось, что они стремились его понять, как будто каждый пытался наладить и собрать по кусочкам только свою жизнь. Но ведь они были взрослыми, а я ребёнком. В одной книге я прочитала интересную мысль, и она надолго засела у меня в голове: «Независимо от того, как справляются с разводом родители, дети всё равно сталкиваются с той отравленной атмосферой, которая всегда предшествует разрыву любовных отношений. И они видят, как на их глазах распадается их вселенная. При любых обстоятельствах это переживание остаётся с ними на всю жизнь».

Уже в ночи я написала Киру, в надежде, что его светлая

голова сможет придумать способ уговорить мою маму.

— Ди, может скажем ей, что мы встречаемся? Познакомишь нас, я приеду в гости или свожу вас в кафе, постараюсь показать серьёзность своих намерений. Вдруг это её убедит? Я же произвожу впечатление надёжного и уравновешенного парня?

К такому предложению я не была готова, но это действительно могло сработать. Как мы будем потом из этого выкручиваться — дело десятое. Сейчас главное — не сорвать поездку, которой мы оба так ждём.

— И как тебе в голову приходят такие гениальные идеи? — я постаралась сказать это максимально восторженно, насколько это возможно. — Будем придерживаться этого плана. Спрошу у мамы, когда она хочет с тобой познакомиться. — Вот и ладненько. Пиши, если грустно будет.

В ответ я отправила Киру лишь подмигивающий смайлик, а утром сразу же пошла на кухню, чтобы поведать маме о новых обстоятельствах этой истории.

Знакомство Кира с мамой состоялось спустя неделю. Он держался великолепно, приехал с цветами, был вежлив и поддерживал интеллектуальные беседы о литературе и путешествиях. Я видела, что маме Кир понравился, и всё шло как по маслу.

— А где вы там будете жить? Условия нормальные? Насколько там вообще безопасно? — мамины вопросы вылетали один за другим, словно теннисные мячи из профессио-

нальной пусковой установки для корта. Кир стойко держал удар.

— Не переживайте, там в Иркутске наша с родителями квартира. Газ, свет, вода — все удобства в наличии и функционируют. Никаких опасностей нет, район спокойный. Да и я всё детство там провёл, меня все знают.

— Мама, может достаточно? Кир тут не на допросе всё-таки. Говорит же, всё будет в порядке.

— Ладно, ребята, надеюсь на ваше благоразумие, — невероятно, но после долгого разговора формата «вопрос-ответ» мама всё-таки поверила в нашу великую актёрскую игру. План сработал!

Глава 4

Остаток учебного года стремительно мчался в направлении летней сессии — последней преграды, отделявшей меня от долгожданного путешествия.

Была середина марта. Погода ещё оставляла желать лучшего, но воздух уже был пронизан приближением весны.

Лекция по математической статистике заставляла меня скучать и сожалеть, что я не осталась пить кофе в столовой. Нашему преподавателю Владлену Викторовичу было уже лет 80. При всём уважении, уловить его порой сильно блуждающие объяснения не представлялось возможным. По всей аудитории слышались звуки: шелест обёртки от шоколадки, тихий девичий смех с задних рядов, приглушенное звучание музыки, доносившееся из наушников, бесконечное щёлканье ручек.

«М-да, придётся читать учебник, иначе совсем ничего не разберу в этой теме», — мрачно подумала я и продолжила выводить в тетради бесконечные спирали простым карандашом. Мне всегда очень нравилось, что в американских фильмах в школах и колледжах учащиеся выполняют тесты ка-

рандашом и, вообще, часто пишут именно карандашами, а не ручками. Я бы тоже хотела так, грифель карандаша гораздо более податлив и легко скользит по бумаге, не заедает, а главное — ошибку или помарку легко можно исправить, не прибегая к помощи замазки, вечно превращающей аккуратную тетрадь в хаотично заляпанный заплатками лист.

Мой сеанс интуитивного рисования был прерван гневным сообщением от Вики: «Хорошей поездки на Байкал, сука!» Похоже, Кир рассказал ей о планах на лето. Когда начался перерыв, я отошла подальше от шумного холла к лестнице и позвонила Киру. Оказалось, он расстался с Викой. Сказал, что так будет лучше для всех. И в чём-то он безусловно был прав: Вика теперь не будет мучить его беспричинной ревностью, Киру не придётся делать предложение руки и сердца из-под палки, а мне не придётся больше успокаивать и вразумлять Вику. Мне показалось, что для Кира это стало скорее облегчением, чем травмой. Он какое-то время грустил, как и положено после разрыва, но потом дела вернулись в привычное русло.

Летняя сессия обещала быть непростой. Один из предметов, который мне предстояло сдавать в зачётную неделю, казался совершенно бесполезным, но преподавательница была убеждена до мозга костей, что именно её знания пригодятся нам больше всего и в карьере, и в жизни. Преподавательницу звали Ирина Анатольевна, на вид ей было чуть за 50, и примерно половину от этих лет она работала в моём институте.

Её уважали на кафедре и боялись студенты, ведь она прославилась талантом отправлять на пересдачу даже тех, кто хорошо знал предмет и очевидно претендовал на оценку «отлично» в зачётке. То ли я слишком заиклилась на этом моменте, то ли Ирина Анатольевна в самом деле была исчадием ада, зачёт я с первого раза не сдала. Та же участь постигла и половину моей группы, а как выяснилось позже — и половину всего потока.

Меня накрыло волной разочарования и неуверенности в собственных силах. Разумеется, одним из маминых условий, чтобы отпустить меня в Иркутск было успешное закрытие сессии. Зачёты — это ещё не показатель, но такой провальный старт подорвал мамино доверие, и вечером после ужина состоялся неприятный разговор.

— Дина, ты же понимаешь, если сессию не закроешь, никакой поездки не будет? — мамин тон ясно давал понять, в чьих руках сосредоточена власть.

— Мам, а как вообще моя успеваемость влияет на возможность поехать куда-нибудь? Я работаю, скопила деньги на поездку, меня что, не пустят самолёт с незакрытой сессией?

— Ты давай-ка не хами, Дина. Пока ты живёшь в моём доме, будь добра соблюдать установленные правила.

На этой фразе мой юношеский максимализм и нелюбовь к любого вида ограничениям свободы рванули неудержимым фонтаном. Я встала со стула, взяла свою кружку с чаем и на-

правилась в свою комнату, не дожидаясь завершения диалога. Точку в разговоре я поставила единолично, громко хлопнув дверью.

— Кир, я хочу съехать от мамы. Может у тебя кто-то из знакомых сдаёт комнату недорого? — вот он, мой максимализм во всей красе. У меня либо всё, либо ничего. В психологии это ещё называется «чёрно-белое мышление» — в свободное время я ещё успевала иногда почитать книги по психологии.

— Ну вот, приехали! Ты чего, Ди? Куда ты сейчас съедешь-то? — Кир явно не воспринял мой вопрос всерьёз, в чём был абсолютно прав.

— Ты понимаешь, она ставит условия, выполнение которых иногда не зависят только от меня! Это бред какой-то! Ну как связаны сессия и поездка? — мой голос срывался на крик, хотелось уйти из дома в тот же день, но идти было некуда.

— Ди, может, приедешь ко мне? Давай такси тебе закажу. Своим родителям всё объясню, они спокойно отреагируют, и ты не будешь нервничать хотя бы сегодня. Поспишь, утром поедешь на учёбу, а потом встретимся и обсудим всё. Идёт?

Кир был идеальным другом. Некоторые мои подруги поверить не могли, что я не влюблена в него. И я прекрасно понимала их недоумение. Одна только внешность Кира могла бы заставить девушек вставать в очередь. Он не был таким правильным красавцем вроде Брэда Питта, но его обаяние

могло сразить наповал. Высокий, вьющиеся русые волосы, серо-голубые глаза, на лице почти всегда сияла улыбка. Он умел поддержать, готов был помочь в трудную минуту, очень вежлив и аккуратен с личными границами. Я бы не променяла такого друга на отношения, ведь у отношений гораздо больше шансов развалиться, чем у дружбы. По крайней мере, я в это верила или даже убеждала себя и окружающих.

— Кир, ты просто чудо! Спасибо тебе! Я буду готова минут через десять, скинь номер такси тогда.

— Давай, жду тебя!

Ту ночь я провела у Кира, и мне было невероятно спокойно. Он положил меня спать на свой диван, а сам спал на полу в походном спальнике. Мы болтали часов до трёх, пока мои глаза не начали закрываться от усталости.

— Ну всё, давай спать, Ди. На тебя утром кофе варить?

— Да, конечно! Как я без кофе вообще до института-то доеду? — я негромко рассмеялась. — Ты сам во сколько встаёшь?

— К несчастью, я — жаворонок, так что в 6:30 уже на ногах и даже одет обычно. Спокойной ночи, Ди! — прошептал Кир, в шутку застёгивая молнию спальника до самого верха капюшона. Я молча улыбнулась в ответ, повернулась на бок, закрыла глаза и через несколько минут уже спала крепким сном.

Эту весну я пережила в немалой степени благодаря стараниям Кира. Сначала он убедил меня не суетиться с переез-

дом и поговорить с мамой спокойно, потом помог подготовиться к передаче зачёта. Казалось, только вчера я не находила себе места из-за несданного зачёта и конфликта с мамой, а уже наступило счастливое время студенческих летних каникул. Впервые за долгое время я проснулась и встретила новый день с радостью в сердце — за окном светило солнце, моя голова не была загружена учёбой, мама оттаяла и наше общение вновь вернулось к нормальному состоянию.

Как-то вечером мы с Киром шли по набережной в Парке Горького. Он знал, это было моим любимым местом для прогулок. Я оживлённо рассказывала ему о наших налаживающихся на глазах отношениях с мамой, о том, какой купальник я возьму с собой на Байкал и как переживаю из-за долгого перелёта. Кир всё это время шёл молча, лишь иногда кивая головой — это было на него не похоже. Вдруг он остановился, взял меня за руку и посмотрел в глаза. Если бы мы были в романтической комедии, он бы точно сейчас признался мне в любви или сделал предложение. Взгляд у Кира был наполнен грустью, на лице застыла лёгкая едва уловимая улыбка. Он помедлил ещё минуту, а потом заговорил так тихо, будто на шумной, наполненной людьми набережной кто-то мог нас подслушать.

— Ди, ты прости меня, если я что-то когда-то сделал не так. Просто хочу, чтобы ты понимала — я всегда буду рядом, — Кир опустил глаза и замолчал, но всё ещё держал мою руку в своей.

— Кир, что на тебя нашло? Всё нормально? Ты же знаешь, я невероятно ценю нашу дружбу и нисколько не сомневаюсь в тебе, — мне хотелось поддержать Кира, я подошла на шаг ближе и крепко обняла его.

Шестнадцатое июля, на часах пять утра. Еле открыв глаза, я уже выползала из дома, чтобы сесть в такси и заехать за Киром — он жил значительно ближе к аэропорту в районе Ленинградского проспекта, поэтому маршрут не был случайным. По дороге в Шереметьево мы обсуждали предстоящее путешествие. Кир с воодушевлением рассказывал мне о красотах родных мест, о ледяной воде Байкала и как круто будет искупаться. Он не был в родном городе три с половиной года — то денег не хватало на билет, то времени, то повода. В этот раз всё сложилось идеально: были деньги на билет, сессия закрыта, повод тоже был — мы собирались праздновать молодость и свободу. Я так ждала этой поездки, что готова была прямо из самолёта броситься в озеро, которое вскоре разделит наши жизни на до и после.

В аэропорт мы приехали сильно заранее, досмотр прошли практически незаметно — из вещей с собой у нас были только рюкзаки. Из развлечений у меня с собой была небольшая книга. Кир вообще всегда путешествовал налегке, ни разу не видела его с чемоданом.

Вот и наш выход на посадку, в запасе ещё час времени, наш рейс только в 08:16.

— Может, пивка? — предложил Кир и хитро посмотрел на меня, прищулив левый глаз.

— Кир, время так-то семь утра, какое пиво?

— Подумаешь, семь утра! У меня в кармане билет домой, разве это не повод выпить? Может это последнее пиво в моей жизни, нам же сейчас в самолёте лететь, там всякое может случиться. А ты — просто зануда! — Кир рассмеялся, и мы направились в одно из многочисленных кафе.

Он знал про мой страх перелётов, поэтому не упускал возможности отпустить колкую шутку в мой адрес. Его шутки никогда не были для меня обидными, я знала, что это его способ справляться со стрессом. Он просто хотел разрядить обстановку и поддержать меня. У него это всегда получалось.

Усевшись за отдалённый угловой столик, мы сделали заказ и какое-то время сидели молча, похоже, мой недосып уже давал о себе знать. Я заказала себе кофе и пирожное с бе-зе — мой любимый десерт. Моим способом справляться со стрессом была еда, особенно сладкое. Кир сладкое не любил, и вообще, был человеком слова, поэтому взял себе пиво.

— Фух, ну и странная была неделька, хорошо, что она закончилась — сказал Кир, отпивая белоснежную пену из запотевшего бокала.

— А что странного? — в моём голосе моментально появились тревожные интонации, а в голове заметался вихрь самых разных негативных сценариев.

— Ну, ничего прям такого серьёзного не случилось. Не хотел тебе рассказывать, чтобы не напугать.

В тот момент я не думала, что какая-то новость может напугать меня сильнее чем предстоящий перелёт.

— Давай, колись, что там такое? — с нетерпением протаторила я и выжидающе посмотрела на друга.

— В общем, в Иркутске, точнее, в окрестностях Листвянки, деревни на самом берегу Байкала на этой неделе пропали три человека. Говорят, ушли в лес и заблудились, их ищут спасатели, полиция, волонтёры. Но пока никаких следов. История дурацкая, там частенько кто-то теряется. Обычно пьяные или под чем-то, кто-то грибы галлюциногенные ищет, находит и теряется надолго. Мало ли чего. А если далеко ушли, то могли и медведя встретить. Не знаю.

Кир замолчал, а потом не отрывая остекленевшего взгляда от бокала, продолжил.

— У меня так друг школьный пропал. Пошёл в лес с дедом за грибами, ягодами. А сам вместо того, чтобы подосиновики собирать, искал псилоцибиновые. И ведь нашёл! Ну, или думал, что нашёл и прямо на месте их съел. То ли грибы были не те, то ли слишком много, короче, упал без сознания. Дед его звал, звал — не дозволялся. Пошёл обратно в деревню за подмогой. А через двое суток менты с собаками нашли его уже мёртвым. Так что, может никакой мистики или преступления нет в этой недавней истории, просто туристы наелись мухоморов и не смогли выйти из леса.

— Что ж, версия про грибы звучит убедительно, ты меня совсем не напугал. У меня есть знакомый, который верит в силу мухоморов. Он их сам собирает в подмосковных лесах, сушит и в качестве лекарства от всех болезней употребляет. Говорит, что иммунитет круто себе поднял на мухоморах — стоит чуть приболеть, закидывается грибами и чудесным образом выздоравливает за пару дней. Вообще, наука говорит, что за грибами будущее! Мы переглянулись, посмеялись и продолжили завтракать, ещё оставалось немного времени до начала посадки в самолёт.

В Иркутске мы планировали остановиться в квартире Кириных родителей. Сами они перебрались за сыном в Москву, а квартира пустовала уже какое-то время. План был отличным: мы значительно сэкономили на жилье, плюс в этом доме прошло детство Кира, а значит, его старые друзья, не покинувшие родной город, могли жить там же. Нас ждало множество удивительных событий.

До Иркутска из Москвы лететь почти шесть часов. Уснуть в самолёте у меня никогда толком не получалось, поэтому я планировала читать книгу или слушать музыку. Кир же уснул буквально через пару минут после взлёта и проспал часа 3 точно.

— Кир, а как там от аэропорта до города добираться? Автобусы ходят? — моё волнение немного утихло и хотелось поговорить на какую-то отвлечённую тему.

— Варианта всего два: такси либо маршрутка. Я преду-

предил знакомого своего, который в такси работает, что прилетаю. Попросил его нас встретить. Мы учились в одной школе с ним, только он ушёл после девятого класса. Теперь вот работает на своей машине. Ромыч парень отзывчивый, поэтому сразу согласился. Встретит нас и доставит до города как VIP гостей, по дороге ещё историй интересных расскажет.

— Классно! У тебя там в любой организации друзья работают? Нет никого в банке, кстати? Может, кредит без процентов дадут, по старой дружбе?

— Нет, в банке никого. В поликлинике есть и в полиции. Парни в форме интересуют? Могу познакомить, по старой дружбе, — Кир подмигнул и добавил, — я ещё часок посплю, а там и прилетим уже.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я повернула голову и посмотрела в иллюминатор самолёта. Яркое солнце озаряло белоснежные горы ватных облаков. На секунду мне стало спокойно. Последовав примеру Кира, я закрыла глаза, представляя закат на берегу Байкала, и постепенно провалилась в глубокий сон.

Глава 5

«Уважаемые пассажиры, наш самолёт совершил посадку в международном аэропорту города Иркутск. Температура за бортом +24 градуса, местное время 19:10. Благодарим вас за выбор нашей авиакомпании. Будем рады видеть вас снова, всего доброго!» — прозвучал из динамиков приветливый женский голос.

Я моментально открыла глаза и, потягиваясь, посмотрела по сторонам. Самолёт уже подъезжал к месту остановки. Вечернее солнце мягким золотым светом озаряло здание аэропорта.

— Странное и давно забытое ощущение — вылетал рано утром, а прилетел, и уже наступил вечер. Словно путешествуешь во времени, — задумчиво куда-то в пустоту пробормотал Кир, не отрывая взгляда от спинки впереди стоящего кресла.

— Предвкушаешь джетлаг? Какой у нас вообще план? — я чувствовала себя слегка разбито после перелёта, но старалась не терять энтузиазма, несмотря на усталость.

— Даже не знаю, может и джетлаг. Выспаться надо просто. План простой: нас сейчас встретит Ромыч, поедем домой. Дальше — обсуждаемо. Можно сначала в душ и переодеться, а потом пойти поесть куда-нибудь или наоборот, тут

сама смотри. Ты как?

— Я бы наверно сначала поела, а в душ можно перед сном сходить. Ты писал Марине, что сегодня прилетишь? Она ждёт тебя наверно, — в тот момент я интересовалась совершенно искренне. У меня не было своего сложившегося о Ри мнения, я опиралась лишь на истории, рассказанные Киrom. Она казалась мне отзывчивой, честной и умной девушкой.

— Да, я ей сказал. Но с ней уже завтра увидимся, сегодня нужно передохнуть от всего.

Как раз в этот момент погасло табло «пристегните ремни» и пассажиры начали торопливо вскакивать с мест, суетиться и вытаскивать сумки с ручной кладью с багажных полок. Мы сидели не у прохода, поэтому не спешили выходить. Киру пришла смс от его друга Ромы: «Я на месте, как выйдете с аэропорта, набери».

— Ну всё, Ромыч ждёт нас, так что трансфер пройдёт по расписанию, — Кир наконец будто проснулся от зимней спячки. В его голосе появились привычные интонации, на лице — лёгкая улыбка.

Я улыбнулась в ответ и кивнула головой. Когда поток пассажиров иссяк, мы встали, забрали свои рюкзаки и направились к выходу. Аэропорт, казавшийся небольшим по сравнению с Шереметьево, оказался довольно просторным. Поскольку нас уже ждали, мы нигде не задерживались, только купили бутылку воды в вендинговом автомате. Мы вы-

шли на улицу. На пару секунд я остановилась, расправила плечи и вдохнула полной грудью душный городской воздух. Кир осмотрелся по сторонам, а потом приветственно замахал рукой невысокому светловолосому парню, стоявшему возле чёрной тойоты.

— Какие люди! Кир, здорова! Сколько лет, сколько зим! Думал, уже не увидимся, засосала тебя златоглавая, — громко приветствовал нас Ромыч, расплывшись в широкой улыбке.

Я сразу заметила, что у него не хватает одного из передних зубов. Судя по его внешнему виду, он мог ввязаться в уличную драку, хотя он производил впечатление весьма дружелюбного человека.

— Ромыч, привет! Рад тебя видеть!

Я стояла немного в стороне и наблюдала, как парни жмут руки, обнимаются, дружески похлопывая друг друга по плечу. Кир говорил, что Ромыч — его знакомый. Но со стороны могло показаться, что встретились лучшие друзья после изнурительно долгой разлуки. На душе становилось тепло от того, что ещё посреди всех сложностей и несправедливостей нашего мира существует настоящая дружба.

— Кир, а ты чего с невестой-то не знакомишь? — укоризненным тоном спросил Ромыч, кивнув в мою сторону.

— Это Дина, моя подруга. Вот, привёз её посмотреть на красоты Байкала, — Кир горделиво задрал голову и указал рукой куда-то вдаль в сторону горизонта.

— Привёз подругой, а увезёшь невестой, — Ромыч хмыкнул и подмигнул мне. — Если привёз девушку любоваться Байкалом, по-любому кольцо уже прикупил.

— Что, не веришь в дружбу между парнем и девушкой? — иронично спросила я, хотя знала, что этот вопрос скорее риторический.

— Не, ну почему, бывает иногда, — задор Ромыча немного притих, точной причины этого я так и не поняла. — Что ж, не будем задерживаться, прошу в карету! — ответил он и открыл мне заднюю дверь машины, предлагая сесть.

Дорога от аэропорта до центра Иркутска занимает всего 16 минут. Тем не менее, Ромыч успел рассказать в пути пару увлекательных историй, отражающих менталитет местных жителей. Я слушала с интересом, поддакивала и задавала множество вопросов. Во мне ещё не умерла детская любознательность, которую многие люди утрачивают с возрастом. Истории Ромы были забавными, необъяснимыми, а местами даже трагичными.

— Кир, а помнишь дядьку моего? Так вот, у него в том году рак нашли. А он знаешь что? Взял, да и вылечился. Причём, никакой химии. Только молитвы и чага.

— Молитвы и что? — в недоумении переспросила я. — Никогда не слышала такого слова даже.

— Ну ты даёшь! Чага — это берёзовый гриб. Наверняка видела, если вообще в лесу бывала, на стволах берёз ступеньки такие волнистые. Это он и есть. Их собирают и делают ти-

па чая, травяной настой. Им и лечатся. У вас в Москве такого экологически чистого и не найдёшь, так что лучше здесь закупиться. Лучше всяких лекарств работает! Даже рак лечит, прикинь? Учёные всё не могут лекарство от рака изобрести, людей химией своей только больше губят. Народ уже давно сам всё нашёл. «Природа лечит, врачи калечат» — так бабка моя всегда говорит.

— У бабушки-то как здоровье? — поинтересовался Кир, будто проигнорировав рассказ о целебной силе чаги. Возможно, он этих историй уже наслушался, а может и сам верил.

— Слушай, да ничего, не жалуется. То в лесу, то в огороде — забот хватает.

— Я как-то не очень верю, что травяным чаем можно победить рак, — скептически выдала я. — Если уж рак иногда ни химия, ни лучевая терапия не берёт, вряд ли чай из берёзы сможет справиться.

— Вот поэтому вы и мрёте в своей Москве, потому что не верите ни во что, — Ромыч цокнул языком и покачал головой.

— Ладно, Ромыч, хватит про рак уже. Скажи, что там с этими туристами потерявшимися? Нашлись? — Кир попытался перевести тему, но более позитивное русло нащупать не удалось.

— Не знаю, вроде не нашли их. Ты разве не помнишь, как это бывает? У нас тут если кто-то теряется приезжий, то вряд

ли его живым найдут. Места непростые, если не можешь с лесом справиться, нечего лезть туда вообще. То же самое и Байкала касается, он вообще ошибок не прощает.

Слова Ромыча показались мне пугающими. Не сами по себе, но его интонации и то, с какой серьёзностью он их произнёс. Я была уверена, что всякого рода мистика меня не пугает, но тут, когда я оказалась всего в шаге от самого глубокого и таинственного озера, я будто застыла от леденящего ужаса. Я сомневалась, стоит ли выяснять подробности этой истории про непростой лес и непрощающий ошибки Байкал. Возможно, недосып давал о себе знать, и я реагировала более эмоционально на то, что в нормальном состоянии пропустила бы мимо ушей.

— Ром, а почему ты говоришь, что Байкал не прощает ошибок? — не знаю, почему, но мой вопрос прозвучал тревожно и как-то беспомощно.

— Есть такая легенда, что километрах в тридцати от острова Ольхон раз в год или даже несколько лет при полном штиле возникает водоворот. Местные называют его «Чёртова воронка» и верят, что это бездонная пропасть, которая ведёт напрямиком в ад или типа того. Если оказаться вблизи этой воронки, то шансов выбраться или выжить уже не будет. Ну и однажды...

Тут в разговор вмешался Кир и прервал рассказ о загадочной воронке, так как заметил, что меня уже порядком впечатлили все эти истории.

— Ромыч, хорош уже байки эти травить. Мы устали с дороги, Дина уже засыпает, мне кажется. Давай, вези нас домой. Отдохнём, а потом ещё соберёмся и поболтаем.

Ромыч молча кивнул и сделал музыку на магнитоле чуть громче. Буквально через пять минут, скрипя и покачиваясь на кочках, его Тойота привезла нас к невысокому серому панельному дому, в котором прошло детство Кира. Воздух в Иркутске был пыльным, но в этих дворах было столько раскидистых зелёных деревьев, что казалось, будто более свежего воздуха я ещё не встречала в своей жизни. Мы неторопливо вышли из машины, взяли рюкзаки из багажника, поблагодарили Ромыча и направились к мрачноватому тёмному подъезду, дверь которого была открыта настежь. Свет внутри не горел, ни на первом этаже, ни на последнем. Сквозь небольшие окна на лестничных пролётах попадало немного света от тоскливо стоящего напротив одинокого фонаря.

Мы поднялись на третий этаж, Кир открыл ключом дверь с номером квартиры «13» и жестом предложил мне пройти внутрь первой. Квартира была небольшой, но довольно уютной несмотря на то, что в ней никто не жил какое-то время. Мы включили свет в прихожей, скинули с уставших плеч рюкзаки, обувь и прошли на кухню.

— Чаю попьём или сразу отправимся на поиски еды? — спросил Кир, не отрываясь от мытья рук в кухонной раковине.

— Ты знаешь, я пока не хочу есть. Наверно, лучше поле-

жу, что-то мне нехорошо. Где я могу лечь? — после волнительного перелёта и историй про загадочные исчезновения людей я чувствовала себя обессиленной. словно мою жизненную энергию забирала себе природа здешних мест. «Как может человек, считающий себя агностиком, так легко быть выбитым из колеи какими-то абсолютно неправдоподобными легендами?» — этот вопрос прозвучал у меня в голове отчётливо, но быстро растворился в утомлённом сознании.

Кир проводил меня в комнату, вытащил из скрипучего шкафа комплект чистого постельного белья и ловко накинул на кровать простынь с голубыми цветами.

— Ложись, отдыхай. Я пока сбегая в магаз и что-нибудь приготовлю поесть. Проснёшься и поужинаем, договорились? — Кир приобнял меня за плечи и слегка улыбнулся. — Знаю, Ромыч умеет жути нагнать. Но ты не верь ему особо, это всё сказки, страшилки для доверчивых туристов.

— Угу, — сонно ответила я и плавно легла на кровать.

Простынь пахла фанерой и каким-то лёгким очень знакомым ароматом кондиционера для белья, вроде чайной розы. — Терпеть не могу розу, — пробормотала я сквозь наваливающийся на меня сон.

Кир тихонько вышел из комнаты и прикрыл дверь. Через пару минут я лишь услышала, как щёлкнул в прихожей выключатель и трижды провернулся в замке входной двери ключ. В квартире воцарилась гробовая тишина. Это пугало. Я легла на кровать, уткнувшись лицом в колючую от торча-

щих гусиных перьев подушку, даже не надев на неё наволочку, закрыла глаза и попыталась уснуть. Но ничего не вышло. Ни через пять, ни через пятнадцать минут. Я открыла глаза, взяла в руки телефон и посмотрела на время, была уже половина девятого. Из-за разницы в часовых поясах, странных историй и общей утомлённости дорогой я провалилась в состоянии дереализации и тревоги, будто наступила ногой в болото, которое постепенно стало засасывать меня в трясину всё глубже. Я лежала на кровати и смотрела в потолок, прислушиваясь к звукам квартиры. Тишина. Изредка за окном слышался звук проезжающих машин и виднелись отблески фар. Примерно через полчаса Кир вернулся в квартиру и заглянул в комнату.

— О, ты чего, так и не спишь?

— Не смогла уснуть, беспокойно как-то одной тут, — только в этот момент я осознала, что рядом с Киrom мне становится гораздо спокойнее. — Хорошо, что ты уже вернулся.

— М-да, заморочил Ромыч тебе голову своей болтовнёй, зря ты поверила ему. Эти легенды на уровне страшных сказок, ну серьёзно. Я уверен, никакой мистики в этом нет.

Я присела на кровати и посмотрела на Кира. Он стоял в дверном проёме спальни, позади него в прихожей горел свет, а в комнате было темно, поэтому я видела лишь его силуэт.

— Ди, давай чаю выпьем с бутербродами, а потом уже нормально спать ляжем. Сходишь в душ, смоешь с себя все эти тревоги.

Я кивнула, встала с кровати и, прежде чем пойти на кухню, подошла к окну. За окном была видна неширокая улица с редкими фонарями, бегали бездомные собаки с жёлтыми бирками на ушах, с шуршащими пакетами шли из магазинов уставшие люди домой.

Звук закипевшего на кухне чайника вернул меня к реальности, я задёрнула штору на окне и вышла из темноты к свету. На кухне Кир делал бутерброды и заваривал чай. Я посмотрела на стол и заметила торт «Прага».

— Мой любимый, — негромко сказала я и села за стол.

Глава 6

В районе пяти часов утра я проснулась от истошного лая собаки. Квартира, в которой мы остановились, была на третьем этаже, поэтому казалось, что истеричный пёс голосил буквально у меня над ухом. Я молча лежала и смотрела на неидеальную, местами пожелтевшую и изрезанную трещинами побелку на потолке. Мне вдруг стало интересно, на чьей кровати я спала в эту ночь. В комнате у противоположной стены стояла ещё одна такая же узкая кровать. Родительская спальня, где спал сейчас Кир, была в соседней комнате. Родных братьев и сестёр у Кира не было. Может, в этой комнате жили бабушка и дедушка Кира? А что, если кто-то из этих пожилых людей прямо тут и умер, на этом бугристом с торчащими пружинами матрасе? Эти мысли заставили меня быстро собрать волю в кулак и окончательно отбросить мечты поспать ещё пару часов. Я встала, медленно прошла в кухню, шаркая по советскому паркету тапками, спадавшими с ног. Поставила чайник и встала у окна в надежде разглядеть, чья же собака будила в такую рань всех вокруг. Присмотревшись повнимательнее, я не увидела хозяина лающей собаки. Небольшой терьер стоял у соседнего дома, почти уткнувшись мордой в закрытую на замок дверь дворницкой и безостановочно гавкал.

— Ну что за люди, заведут себе животное, а воспитывать его не хотят, — из коридора донёлся сонный и немного охрипший голос Кира. — Тебя тоже разбудил этот балбес блохастый, да?

Я улыбнулась и кивнула. Чайник только что закипел, Кир достал из буфета красные чашки в белый горошек и банку с сахаром.

— Кофе, похоже, нет. Вот я дырявая голова, забыл вчера купить. Тогда чаю?

— Тогда чаю, — недолго думая согласилась я и взяла со стола упаковку с чайными пакетиками.

Около часа мы сидели на кухне, пили чай с тортом на завтрак, обсуждали наши планы на ближайшие дни. Кир предложил сегодня погулять по городу, встретиться с Ри, а уже на завтра задумать какое-нибудь приключение.

— Сначала заглянем к Ри, она ранняя птичка, уже небось тоже проснулась. Она точно подскажет, как провести завтрашний и последующие дни, безумных идей в её голове полным-полно.

— Может, написать ей сначала? Или позвонить?

В ответ Кир хмыкнул и покачал головой. Я поняла, что с Ри они знакомы настолько давно, что предупреждать о своём визите в гости не было необходимости.

— Да не, так забежим. Не откроет — значит, на работе.

Мы неспешно собрались, взяли с собой бутылку воды и вышли из квартиры. Марина жила в этом же доме на пятом

этаже. Пятый этаж был последним, выше была только крыша. Выход на крышу был закрыт на замок, как и положено, но местная молодежь давно справилась с этой преградой и регулярно устраивали вечеринки под открытым небом.

Мы поднялись по лестнице, и Кир позвонил в звонок квартиры номер 17.

— Кир, а почему у вашей квартиры номер 13? Должен ведь быть 12, квартир на этаже всего четыре. Математика не сходится.

— Ничего себе ты внимательная! Мало кто замечает. Почему-то у нас в подъезде взяли и номер 1 присвоили дворницкой, а нумерацию квартир начали со второй. Не знаю, законно ли это, но мы всю жизнь живём под этим номером.

Я ничего не успела ответить, как открылась дверь, и мы услышали звонкий и жизнерадостный голос Марины.

— Кир! Не может быть! Привет, дорогой! — она бросилась к нему на шею и обняла так крепко, что могла бы задушить, если бы прошло чуть больше времени. — Как же потрясающе, что ты вернулся, я так рада!

Ри была так увлечена Киrom, что меня как будто не заметила. Лишь когда она расцепила руки и сделала полшага назад, чтобы взглянуть на друга, она повернулась ко мне и вопросительно посмотрела.

— Ри, я тоже очень рад тебя видеть! Знакомься, это Дина, моя близкая подруга из Москвы, мы прилетели вместе, обещал ей показать красоты Байкала.

— Очень приятно, — сказала я, стараясь быть вежливой.

— Кир о тебе много рассказывал.

— Что ж, а мне про тебя — нет. — Марина явно была недовольна моим присутствием, но ей оставалось только смириться. — Хотите кофе? Я как раз сварила. Заодно расскажете, какие у вас планы.

Кир кивнул, и мы молча прошли в небольшую прихожую. Квартира была очень светлая. В утренние часы она вся была залита солнечным светом. Иногда даже приходилось слегка щурить глаза. Марина обладала удивительной в моём представлении внешностью. Невысокая рыжеволосая девушка с изумрудными глазами. Волосы её, словно бенгальские огни, искрились в золотистых лучах солнца. Характер пока оставался загадкой. Она была такой искренней и нежной к Киру, и до мурашек холодной и отстранённой ко мне. Возможно, имела место ревность, но откуда ей было взяться, если речь шла о сугубо дружеских отношениях?

Стены кухни были увешаны акварельными картинами. Некоторые большие, а некоторые совсем крошечные, больше напоминающие миниатюрные скетчи.

— Это всё твои работы? — с неподдельным интересом спросила я.

— Да, в свободное время я рисую.

— Ри, не скромничай, — вступился за неё Кир. — Вообще-то, когда мы ещё вместе учились, Ри расписывала стены в здании нашей школы, а потом и в кулинарном техникуме

делала афиши для разных мероприятий.

— Круто, очень красиво! Особенно ирисы, — я подошла поближе к рисунку и внимательно разглядывала каждое цветочное пятнышко.

— Ирисы — мои любимые цветы, — сказала Марина и стала наливать кофе в чашки.

«Мои тоже!» — подумала я про себя, но озвучивать эту мысль не стала.

Мы сели за небольшой квадратный стол, который стоял у стены. На столе стояла скромная вазочка с букетом полевых цветов. Белая с узорами скатерть была старомодной, но весьма опрятной. Я села в одном торце стола, Кир по правую руку от меня, а напротив села Марина. В симпатичную стеклянную плошку она выложила безе и какие-то шоколадные конфеты.

— Так, из сладкого больше нет ничего, — строгим тоном произнесла Ри, будто пыталась оградить детей от избытка сладостей. — Блин, молоко забыла. Молоко в кофе кому-то наливать?

— Мне не нужно, спасибо, — я всё ещё старалась быть вежливой и не нарываться лишний раз. Я посмотрела на Кира, тот слегка пожал плечами, будто не понимал, почему Ри в таком мрачном расположении духа.

— Ри, что там насчёт пропавших туристов? Как думаешь, есть в этом мистика или нет? А то Ромыч напугал Ди историями про загадочный зловещий Байкал.

Избежать обсуждения этой темы не удалось. Понятное дело, Киру хотелось обсудить это с подругой детства, которая жила в непосредственной близости с местом событий. На меня эти разговоры нагоняли излишнюю тревогу.

— Всякое может быть, я не исключаю мистическое происхождение их исчезновения, — Ри как-то неохотно вступила в этот диалог, показывая всем своим видом, что ей это не особо интересно.

— Ой, да хорош тебе! А что, кстати, шаманка твоя? Может, она бы их помогла найти?

— Она таким не занимается сейчас, здоровье подводит, бережёт силы.

Разговоры про шаманку заставили меня оторваться от обжигающего ароматного кофе и вклиниться в беседу. Я вспомнила про руны и их значения. Амулет Марины ещё не попадался мне на глаза, а мне было крайне интересно, что на нём изображено.

— Марина, а эти амулеты с рунами, которые у вас с Киrom, они и вправду работают?

— Да это так, сувенир на память, — бойко ответила Ри, будто эта тема интересовала её ещё меньше, и вернулась к обсуждению пропавших. — Поскольку там взрослые пропали, думаю, дело в грибах. А может, на змей ядовитых наткнулись.

— На кого? На змей? — в моём вопросе явно читался шок от услышанного. К такому я не была готова, хотя прекрасно

понимала, куда еду.

Марина рассмеялась и взглянула на меня. Её взгляд был полон жалости. Похоже, чем больше она узнавала про меня, тем очевиднее становилась её неприязнь.

— Гадюки тут, слышала про таких? Занесёт же городских в глушь иногда, смешно даже! Говорят, мы в деревнях дикие, а выходит, наоборот. Укус гадюки взрослого здорового человека не убьёт. Вот ребёнка или собаку запросто может. Но если те ребята сначала грибов наелись, а потом к гадюкам фотографироваться полезли, могло что угодно случиться. Никто не любит вторжения в личное пространство, тем более змеи, понимаешь, о чём я? — Ри многозначительно смотрела мне прямо в глаза.

Не скажу, что я многого в жизни боялась, но со змеями у меня не сложилось ещё с детства. Лично я не сталкивалась с ядовитыми представителями этого вида, но, когда мне было шесть лет, младшую сестру моей дачной подруги укусила змея. В тот день я пошла вместе с подругой, её сестрой, их бабушкой и дедушкой в лес за малиной. Старшие собирали ягоды, а мы с девочками придумали какую-то игру и, громко хихикая, бегали между высокими соснами, прятались за еловыми ветками, срывали и ели кислицу. На минуту мы отвлеклись и потеряли из виду трёхлетнюю Сашу. Вдруг раздался детский плач. Все бросились к ней и поначалу не могли понять, что произошло. Бабушка довольно быстро сообщила, что внучку кто-то укусил. Но кто? Пчела или оса?

Муравьи? Стали спрашивать у Саши, где болит. Она показывала на ногу и заливалась слезами. Дед внимательно осмотрел ножку и встревоженно сказал: «Это гадюка, её укусила гадюка. Нужно срочно возвращаться и ехать в больницу». Он подхватил малышку на руки, и мы выбежали из леса. Саша продолжала плакать, но уже не так отчаянно, как будто устала. Мне было шесть лет, я не до конца понимала, чем грозит укус гадюки для маленького ребёнка. Вообще, змеи в нашей местности были редким явлением, иначе родители ни за что не отпустили бы нас гулять в лес. Мобильных телефонов тогда с собой ни у кого не было, вызвать скорую заранее просто не получилось бы. А когда добежали до участка, где стояла бабушкина машина, быстрее было самим ехать до больницы, чем ждать приезда врачей.

— Таня, ты оставайся с девочками дома, а я отвезу Сашеньку в больницу. Иди, корвалолола себе накапай, а то не дай Бог сердце прихватит, — дед говорил строго и быстро, затем положил Сашу на заднее сиденье белой «копейки», сам сел за руль и пристегнул ремень безопасности.

Татьяна Ивановна была сама не своя. Она растерянно смотрела по сторонам и нервно перебирала в руках ключи от дачи. Машина шумно завелась и умчалась по дороге в сторону трассы, поднимая за собой облако пыли. Мы вошли в дом, скинули с ног босоножки на коврик в прихожей и сели на диван в дальней комнате перед маленьким телевизором. Бабушка сразу ушла в кухню. Слышно было, как она взяла

с сушилки чашку и налила туда воду. Потом открылась и закрылась дверца холодильника. И тут она расплакалась, почти беззвучно. Было страшно. Мы, две шестилетние девочки, сидели одни в комнате и не понимали, что будет дальше.

Прошло около часа. Бабушка всё так же сидела на кухне, мы с подружкой играли в комнате. Раздался телефонный звонок — у Татьяны Ивановны был кнопочный телефон, который нужен был для связи с родственниками и на случай вызова скорой.

— Что, Егор, ну что там? Чего ты молчишь? — прорыдала бабушка в телефонную трубку, а потом опустила руку, держащую серый старенький Siemens, и закрыла глаза. Мы с Леной видели, как из-под опущенных век градом полились слёзы. Сашеньку не спасли, она умерла в больнице.

— Гадюк не сезон уже, ты-то чего драматизируешь? — Кир оставался совершенно спокойным, и его спокойствие немного помогало мне подавлять бурлящие внутри эмоции.

— Ну да, ну да. Значит, несчастные змеи ни в чём не виноваты. Ладно, какие планы у вас? Куда пойдёте? Погода чудесная сегодня, сходите прогуляться на набережную и по центру.

— Не хочешь с нами, Ри? — спросил Кир в своей привычной бодрой манере, — а то угрюмая такая, даже переживаю за тебя слегка.

— Просто устала на работе вчера, тяжёлый день. Да, можем прогуляться, но я к вам присоединюсь позже, хочу сна-

чала доделать домашние дела.

— Вот и ладненько, тогда до встречи! Спасибо за кофе, — Кир сделал последний глоток, встал из-за стола и приобнял сидящую на табуретке Ри за плечи.

Я тоже поблагодарила за кофе и мы, обувшись, вышли из квартиры. На улице уже было довольно жарко, летние месяце в Иркутске — непростое время для тех, кто с трудом переносит солнцепёк. Первой достопримечательностью в нашем списке была нижняя набережная реки Ангары. Как рассказал мне накануне Кир, это «визитная карточка» города. Она находится в историческом центре, вблизи расположены Вечный огонь, Московские ворота, несколько крупных церквей.

— Думаю, пока солнце не в зените, прогуляемся по пешеходной зоне набережной, после реконструкции там довольно модно стало, а потом пообедаем в моей любимой столовой, там такой борщ подают — ум отъешь. К этому времени как раз и Ри подъедет, — и Кир, указав рукой в направлении дороги, зашагал к автобусной остановке.

Глава 7

Когда гулять под палящим солнцем стало невыносимо, мы направились в ту легендарную столовую, о которой упоминал Кир. Она находилась недалеко от набережной в полуподвальном помещении. Прямо напротив неё стоял недавно построенный бизнес-центр.

— Надеюсь, сейчас не будет очереди, а то сюда весь бизнес-центр обедать ходит. С момента постройки этой «стекляшки», — так Кир, да и многие другие местные называли это офисное здание, — дела у столовой явно пошли в гору. Раньше туда никто особо не ходил, кроме постоянных клиентов, которые знали, что тут действительно вкусно. А теперь — бесконечный поток белых воротничков в поисках домашней еды.

Мы спустились по небольшой лестнице вниз и зашли внутрь. В столовой было темновато и пахло жареными котлетами, борщом и свежей выпечкой. Борщ, на мой взгляд, совершенно не летний суп. Летом хочется чего-то холодного типа окрошки, но Кир так упорно убеждал меня попробовать этот борщ, что я не смогла устоять. Мы взяли два тёмно-бордовых пластиковых подноса и медленно пошли вдоль линии раздачи, разглядывая содержимое витрин. В итоге, мы взяли два борща с пампушками, салаты и компот. Кир

ещё умудрился в последний момент купить себе бутылку пива.

— Странно, что ты за завтраком пиво не пил, — ухмыльнулась я, глядя на запотевшую бутылку «Балтика 7».

— Ди, не нуди. Отпуск же у человека, дай отдохнуть как в последний раз. Если хочется, надо делать. Знаешь, как японцы говорят? «Живи, будто ты уже умер» — значит, отбрось страхи и сомнения, просто живи так, как нравится.

— С каких пор ты увлёкся японской культурой?

— Да ни с каких, прочитал где-то. Давай, не отвлекайся, беги скорее вон за тот стол у стены, а то придётся кушать стоя.

Людей в столовой и вправду было достаточно много, время нашего обеда совпало с сотрудниками большинства офисов, но нам всё же удалось отыскать в углу небольшой свободный столик с двумя стульями. Мы поставили подносы и сели за стол. Поверхность стола была неприятной, местами липкой и усыпанной хлебными крошками. На секунду мою голову закралось сомнения относительно безопасности здешней еды. Я достала из упаковки несколько влажных салфеток и одной слегка протёрла ближайший к себе край стола, а другой салфеткой протёрла столовые приборы.

— Кир, тебе дать салфетку? — спросила я с искренней заботой, хотя понимала, что салфетка ему вряд ли понадобится.

— У меня есть дезинфектор получше, — с улыбкой отве-

тил Кир и победно приподнял открытую бутылку пива, из которой тут же сделал несколько жадных глотков.

— Ладно, ты победил. Ну, приятного аппетита! — закончив протирать ложку сказала я и осторожно приступила к дегустации борща. Салат «столичный», мирно стоявший справа от стакана с вишнёвым компотом, теперь вызывал во мне ещё меньше доверия. Горячая еда хотя бы прошла должную термообработку, а вот просроченным ли майонезом заправили салат, никто из посетителей не мог знать наверняка.

Какое-то время мы ели молча. Суп действительно оказался потрясающим, давно я так не наслаждалась едой. Скоро к нам должна была присоединиться Марина, поэтому я решила не тянуть и задать Киру один вопрос, который не давал мне покоя. «Или сейчас, или никогда» — решила я и начала диалог.

— Кир, тебе не показалось, что Марина как-то странно отреагировала на моё присутствие? Ты не предупредил её, что приедешь не один?

Кир оторвался от еды и посмотрел на меня. Откинулся на спинку стула, взял со стола бокал, налил в него пиво и сделал несколько глотков.

— Знаешь, у Марины есть свои странности, как у любого из нас. Это довольно личная история, я могу вкратце поделиться с тобой, но только пообещай мне, что ты никогда не станешь поднимать эту тему при Ри, уговор?

Я согласно кивнула. Не в моих правилах было нарушать

обещания, так что Кир мог быть во мне уверен.

— У Ри не складывается личная жизнь. Виной этому — один крайне неприятный инцидент из наших юношеских времён. Мы в старших классах тусовались большой компанией. И был среди нас парень один — Лёха, мечта всех девушек. Классический красавчик такой, модник, ездил на мопеде. У Лёхи отец на тот момент был старшим следователем в полиции. Короче, парень этот вёл себя как настоящий козёл. Совершенно без уважения относился к окружающим, особенно к девушкам. Но все девчонки из компании были в него влюблены, видимо, потому что он так себя вёл. Все, кроме Марины. Ей он был совсем не интересен. Разумеется, его это задевало, он не смог отпустить ситуацию и решил добиваться её расположения любыми возможными способами. Сначала, пригласил на свидание, но Ри отказала. Потом стал навязчиво провожать её до дома. Марине это не понравилось, однако она никому не сказала. В итоге, однажды Ри всё-таки согласилась, чтобы он подвёз её до дома на мопеде. Я не знал, что они уехали вместе в тот вечер, видел только, что Лёха стоял пил пиво с пацанами, а потом куда-то исчез вслед за ней. На следующее утро Ри не пришла в школу. Сначала я старался сдерживать волнение и списывал всё на похмелье, но к концу учебного дня решил зайти к ней и узнать, что случилось. Зайдя в подъезд, я поднялся на её этаж и позвонил в дверь. Открыла её мама. Она была злая и очень нервная, но всё же впустила меня к Марине. Ри сидела на кровати в сво-

ей комнате, обняв колени и уткнув в них лицо. Шторы были задёрнуты, в комнате царил полумрак. Я сел на пол рядом с её кроватью и попытался поговорить, но поначалу ничего не получалось.

— Ри, ну что ты? Тебе так плохо? Ты отравилась, заболела? Поговори со мной! — Я не понимал, как ей помочь, ведь она ничего не отвечала. Тогда я просто приобнял её ноги, положил голову на кровать и замолчал. Мы сидели так минут двадцать, а потом она всё же заговорила.

— Ты был прав насчёт него, — сказала Ри дрожащим от рыданий голосом. — Ты во всём был прав.

— О чём ты, Ри? Про кого речь?

Она не ответила, просто посмотрела на меня своими заплаканными глазами. И тут я всё понял, меня словно молния прошибла насквозь. Я вскочил на ноги и уже собирался выйти за дверь, но Ри меня остановила.

— Кир, не надо, умоляю тебя! Не трогай его! Ты ведь знаешь, кто его отец.

Марина говорила словами своей матери. Сама бы она никогда не оставила эту ситуацию без правосудия. С одной стороны, я прекрасно понимал, о чём она, но с другой — я не был готов принимать такого положение вещей.

— Что Лёха сделал тебе? Я хочу знать, насколько всё серьёзно.

— Ничего такого, Кир. Ничего страшного. Не надо портить себе жизнь из-за этого козла. Всё образуется, просто

нужно время.

Как оказалось, Лёха не был совсем уж конченным отморожком. Очевидно, он увёз Марину на своём мопеде не ради невинной ночной прогулки по живописным местам. Но Ри всегда была бойкой и могла дать отпор даже в сложной ситуации. Думаю, когда Лёха стал приставать, она его отшила, причём настолько доходчиво, что даже до него дошло. Изнасилования как такого не было, но он сильно напугал её и бросил посреди тёмной дороги у окраины леса. Добраться до дома было тем ещё квестом, но она справилась.

Я слушала историю, которую рассказывал Кир, и не могла сложить однозначного мнения о том, кого мне больше жаль: Марину, которой пришлось пережить попытку изнасилования, страх, ужасный сложный путь от окраины леса до дома, безразличие матери и безысходность всей ситуации или Кира, который, кажется, любил и любит её как родную сестру и переживал за неё, но тоже ничего не мог толком сделать.

— Так значит, никто не пошёл в полицию? А с родителями этого Лёхи кто-нибудь разговаривал?

Кир тяжело вздохнул и покачал головой. Сделал подряд несколько глотков из бутылки, а затем продолжил рассказ.

— Отец Лёхи очень сложный дядька. По характеру я имею в виду. Да и служба у него специфическая. Он много лет в органах проработал, профдеформация на лицо. Был уже случай, что девушка пришла в полицию и подала заявление, что Лёха к ней приставал. Заявление формально приняли, но ни-

какого результата это не принесло. Лёха остался безнаказанным, а про девушку разлетелся слух, мол она сама виновата, ибо ведёт себя как девушка лёгкого поведения. Будто это она пыталась соблазнить Лыцкого, чтобы потом шантажировать и получить деньги. Люди, к сожалению, склонны верить в подобное. Ирке пришлось уехать учиться в другой город, чтобы отделаться от этого всего. Я и сам какое-то время собирался поступать в академию МВД, хотел быть тем самым честным полицейским, чей образ в нашей стране остался разве что в сериалах по федеральным каналам. Но после всего этого, я передумал. Понял, что не смогу выжить в этой системе.

Истории про безнаказанных детей влиятельных людей, особенно из органов, не были для меня неожиданностью. Но когда такое происходит со знакомыми людьми, пусть и косвенно, становится гораздо тяжелее. Сразу хочется самой встать на путь борьбы с несправедливостью и добиться адекватного наказания для виновного. Попытка изнасилования — не убийство, за такое не посадят в тюрьму, но человек должен понимать, что он не имеет права так поступать.

Повисло напряжённое молчание. Я сидела неподвижно, уткнувшись взглядом в одну точку и нервно подковыривала пальцем сухую кожу вокруг ногтей — это было моей второй дурной привычкой после курения сигарет. Кир тоже молчал. Возможно, он жалел, что рассказал мне эти факты из биографии Марины и другой девушки, но что сказано, то сказано.

— Пожалуйста, только не говори Ри, что ты в курсе, лад-

но? Мне кажется, она до сих пор носит эту травму в своём сердце.

Не успела я ничего сказать, как у меня за спиной послышался звонкий голос Марины.

— Что там в сердце? Вы что, про любовь говорите?

Марина повеселела по сравнению с утром и была полна энергии. Она ловко пробиралась между столиков, словно юркая лисица в густом еловом лесу. На ней было светло-голубое струящееся платье и белые ретро босоножки с ремешками. Казалось, Ри явилась к нам из советского ромкома. Кир первым вышел из ступора и привстав со своего места, галантно отодвинул свободный стул и предложил Ри присесть.

— Не, погоди, я сначала сбегая возьму себе компот. Вы брали вишнёвый или какой?

— Кир вообще пиво взял себе, — с некоторым недовольством сказала я и укоризненно посмотрела на друга.

Кир и Марина переглянулись и рассмеялись. Я не совсем поняла, что их так рассмешило в моих словах, но уточнять не стала. Порой мне казалось, что у них есть какой-то невербальный уровень общения, до которого я ещё не доросла. Когда Ри вернулась со стаканом компота, мы стали обсуждать планы на ближайшие дни. Марина работала кондитером в небольшой пекарне по графику два через два. Её выходные были сегодня и завтра, а потом через два дня. В отпуск она планировала уходить в августе, чтобы захватить свой день

рождения.

— У меня есть безумная идея, — с горящими глазами прошептала Марина и хитро посмотрела на Кира в надежде, что он всегда поддержит её безумие. — В гараже стоит отцовская моторная лодка. Может, возьмём её?

Кир настороженно взглянул на неё, пытаясь сопоставить факты.

— Погоди, это та самая лодка, с которой он пропал много лет назад?

— Ага. Но она на ходу, заправить только надо и на воду спустить. Нас трое, мы сможем.

Я тоже с определённым недоверием отнеслась к этой идее. Не то чтобы я совсем не доверяла Марине, но неужели эта хрупкая девушка сможет самостоятельно управлять моторной лодкой? И ладно управлять, её необходимо было сначала воскресить! Неизвестно, сколько она простояла в гараже. Быть может, имеются неисправности, устранить которые удастся только механику.

— Ри, а ты уверена, что справишься? Это точно безопасно? Моторная лодка не самая простая техника. Вдруг там сломалось что-то? Или сломается прямо на воде?

— Слышу кто-то городской тут заговорил, выросший в тепличных условиях? Если тебе стрёмно, так и скажи, можешь вообще не плыть с нами. Помоги хотя бы на воду спустить.

Кир молча наблюдал за нашей перепалкой и тихонько по-

смеивался. Он хорошо знал упрямый характер Марины, и как сильно её задевали подобные сомнения со стороны малознакомых людей. Она умела очень многое, отец её всему научил. Они были очень близки и много времени проводили вместе. Вдвоём они постоянно ходили по Байкалу на этом маленьком белом катере с лаконичным и довольно популярным названием «Любовь». Такой выбор не был случайным, маму Марины зовут Люба. Парадоксально, но она всегда опасалась воды и даже не умела плавать. В детстве с ней случилось происшествие, чуть не окончившееся гибелью. Она могла утонуть, когда ей было всего 7 лет. С тех пор, она сторонится любых водоёмов крупнее ручья. Разумеется, она каждый раз переживала, если муж и дочь уходили на лодке и долго не возвращались. Но всё всегда заканчивалось хорошо: они возвращались уставшие и невероятно довольные своими приключениями, привозили рыбу и восторженно рассказывали об увиденном. Марина обожала эти поездки с отцом, это было только их время. Самое счастливое время в её жизни, до того проклятого дня тринадцать лет назад, который оборвал их любовь и дружбу с отцом.

Глава 8

Из помещения столовой не было видно улицы, поэтому мы совершенно не заметили, как изменилась погода. Какое-то время мы ещё сидели за маленьким столиком, допивали компот, рассуждали о прошлом и будущем. Ри поделилась, что мечтает стать экскурсоводом и возить туристов по Байкалу на моторке, показывать красоты здешних мест, рассказывать пугающие мистические легенды.

— Так может возьмёшь нас как подопытную группу? — предложила я. — Проведешь экскурсию так, будто всё по-настоящему. Я ведь ничего толком не знаю про Байкал, мне очень интересно.

Марина расплылась в улыбке, а глаза её засияли. Она радостно закивала головой, выражая явное согласие с моим предложением.

— Это было бы просто волшебно! — голос её прозвучал мягко, с какой-то неподдельной добротой. — Я завтра же сяду, подготовлю маршрут. Потом я два дня на сменах буду, а после — отправимся в путешествие.

— Мы тогда сегодня и завтра будем тут, а послезавтра двинем в Листвянку, — сказал Кир так уверенно, будто заранее это запланировал. — Там хотел Ди показать пару мест. Мы же на моторке оттуда стартуем, из Листвянки?

— Да, оттуда удобнее. Лодка стоит в гараже, она уже на прицепе, так что с транспортировкой проблем не возникнет. Возьму машину у брата и приеду к вам. А там уж по воде пойдём. Я так давно об этом мечтала! — Марина просто свети­лась от счастья.

Сейчас она нравилась мне гораздо больше. Кажется, благодаря такому развитию событий у нас появился шанс по­дружиться.

Мы отнесли подносы с грязной посудой и вышли на ули­цу. Было необычно темно для разгара дня. Всё небо заты­нуло мощными, плотно смыкающимися дождевыми облака­ми. Своими очертаниями они напоминали горные вершины. Едущих по дорогам автомобилей почти не было слышно. В воздухе повисла оглушительная тишина.

— Затишье перед бурей, — замороженно глядя в предгро­зовое мрачное небо сказал Кир. Он так смотрел на надвига­ющийся шторм, будто был влюблён в эту бушующую стихию и давно ждал встречи. — Вот бы сейчас к берегу Байкала добраться, — мечтательно добавил он со вздохом.

— Кир, ну какой Байкал! Ливанёт сейчас, надо домой то­ропиться! — сказала Марина.

Она не ошиблась, через несколько секунд мы услышали неподалёку мощный раскат грома. Нужно было как можно скорее решать, куда нам направиться. Разумнее всего было поехать домой. Остановка маршрутки была в пяти минутах от столовой, на крайний случай можно было вызвать такси.

— Девчонки, а вы не против, если я сейчас вас в такси посажу, а сам немного прогуляюсь? Доберётесь сами? Чаю пока попьёте, в холодильнике там торт ещё остался.

Я мельком посмотрела на Марину. Та стояла, опустив взгляд, на её лице застыла лёгкая улыбка. Словно она была довольна предложением Кира. Я не до конца понимала её реакцию, но всё же не видела проблемы в том, чтобы поехать на такси вдвоём. Бояться мне было нечего.

— Конечно! Ключи отдай только, а то придётся под дверью сидеть, — ответила я и протянула руку, чтобы забрать громоздкую связку с тремя большими ключами и несколькими увесистыми брелоками.

Кир слегка хлопнул себя по лбу ладонью, давая понять, что чуть не забыл оставить нам ключи от родительской квартиры. Вынул их из переднего кармана джинс и вложил мне в руку.

— Вот этот жёлтый от нижнего замка, верхний не работает. И изнутри лучше не запирайтесь, а то потом вообще не откроем, заклинить может.

Из заднего кармана Кир достал телефон и позвонил в службу такси. На улицах Иркутска было много таксистов. Некоторые работали официально через таксопарк, а некоторые таксовали без всякого оформления. Бывали случаи, что такие таксисты-нелегалы приставали к молодым девушкам. Поскольку фактического начальства у нелегалов не было, а полиция с большой неохотой реагировала на подобные ин-

циденты, никто так и не понёс наказание за неподобающее поведение в отношении клиенток. Поэтому Кир не стал подходить к группе таксистов, стоящих через дорогу, а вызвал машину через официальную компанию. Через три минуты к нам уже подъехал небольшой белый Сузуки. Мы с Ри сели на заднее сиденье, помахали на прощание Киру, и таксист повёз нас домой. Кир проводил машину взглядом, развернулся и зашагал к набережной.

Дождь начал потихоньку накрапывать, постепенно нарастая. Крупные тяжёлые капли звонко стучали по металлическим козырькам подъездов, крышам машин. Дворники автомобилей спешно смахивали потоки воды с лобовых стёкол. Ямы на дороге заполнялись дождевой водой, скрывая под блестящей гладью изъяны асфальтового покрытия.

— Кир обожает грозу, — тихим вкрадчивым голосом сказала Марина, когда мы уже сворачивали во двор. — Раньше он всегда уходил к воде, если знал, что будет гроза. Сидел на берегу под дождём и наблюдал за молниями. Он будто вбирал в себя эту энергию.

Я слушала молча, наблюдая, как по стеклу сверху вниз скатываются прозрачные капли. В детстве я придумала такую игру — соревнование капель. Если мы с родителями ехали куда-то и попадали в дождь, я внимательно смотрела в окно машины и следила, какая из всех быстрее скатится вниз.

Таксист остановил машину возле дома. Мрачная пяти-

этажка в пасмурную погоду выглядела особенно атмосферно. Дождь лил как из ведра. Мы выскочили из такси и спешно побежали к подъезду, не замечая громадных луж под ногами. Десяти секунд хватило, чтобы мои тряпичные кеды промокли насквозь.

— Если хочешь, давай у меня посидим? У Кира там пусто сейчас, неудобно.

Я засомневалась, что для меня было лучше в тот момент: пойти в квартиру к Ри, которая так неоднозначно ко мне относилась, или сидеть в пугающей своей пустотой квартире родителей Кира. В итоге, я согласилась пойти к Марине.

— Я всё-таки заскочу за тортом в квартиру и возьму кофту, что-то зябко стало от дождя. А потом сразу поднимусь к тебе.

— Договорились! Пока чайник поставлю, — сказала Ри, поднимаясь по бетонным ступенькам на свой этаж.

Я выудила из связки ключей нужный и вставила его в замочную скважину. Стоило мне только открыть входную дверь, образовавшийся сквозняк с грохотом захлопнул форточку в одной из комнат. «Вот блин, окно не закрыли! Воды налило небось,» — мелькнуло у меня в голове. Разувшись, я пошла искать место затопления. Много времени это не заняло. В комнате, где я спала этой ночью, на подоконнике была внушительных размеров лужа, стекавшая на стоящую у окна кровать. Матрас сильно промок, но он был до такой степени уставший и побитый жизнью, что этот инцидент казался

идеальной последней каплей, чтобы наконец отправить его на помойку. Я сразу закрыла окно и пошла в ванную комнату искать тряпку. Невозможно предсказать, найдётся ли что-то подходящее в квартире, где никто не живёт уже несколько лет. Тем не менее, я нашла пару тряпок, нарезанных из чьей-то старой футболки, и небольшой розовый пластмассовый таз. Пока убирала воду, я задумалась, о чём мы будем говорить с Мариной. Нужно было внести какую-то ясность в наше взаимодействие. Меньше всего мне хотелось провести долгожданные каникулы в напряжённой обстановке.

Минут через пятнадцать следов воды не осталось. Я отнесла всё обратно в ванную, вымыла руки, забрала из холодильника картонную коробку с половинкой Наполеона и отправилась на пятый этаж. Дверь в квартиру Марины была слегка приоткрыта, но я всё равно постучала по дверному косяку, обозначив своё появление. Марина была на кухне, там кипел чайник, поэтому она не услышала.

— А вот и торт, — объявила я, заходя в кухню.

— Угу, ставь на стол. Чай сейчас налью, садись пока.

Я села за стол на то же место, на котором сидела утром, и стала разглядывать рисунки, развешенные на стенах. На одном из рисунков был портрет молодого человека, очень напоминавшего Кира.

— А это Кир? — спросила я, указав на портрет.

— Да, он. Это я в выпускном классе рисовала.

— Красиво, — задумчиво ответила я.

Портрет был нарисован акварелью. Само лицо и волосы были прорисованы чёрными тонкими линиями, будто чернильной ручкой. Вокруг был абстрактный акварельный фон в сине-бирюзово-фиолетовых цветах. Мне показалось, что это олицетворяет грозу над Байкалом. Ведь Кир, как оказалось, обожает грозу.

— Марина, а можно задать личный вопрос?

— Ну, задавай! Тем более раз уж нам выпал шанс посидеть чисто девчачьей компанией.

Пренебрежительные интонации Ри явно давали понять, что я помешала каким-то её планам, и проводить свои выходные в компании не особо приятной незнакомки она не хотела. Я знала, что Марина не так проста, как мне показалось при первой встрече. Я думала, что она лёгкая, искренняя и по-хорошему наивная. На самом деле, её зелёные глаза, подобно самому глубокому озеру на планете, скрывали за собой какую-то тайну.

— Вас с Киrom связывает что-то кроме дружбы?

— Дружбы? — переспросила она с ухмылкой. — У нас с ним прочная духовная связь. Думаю, это такая судьбоносная связь, которая случается один раз и на всю жизнь. Как бы далеко Кир ни уезжал, он всё равно возвращался ко мне.

Скрывать своё удивление я не могла. Глаза мои округлились, а брови невольно поползли вверх.

— А чему ты удивляешься? Серьёзно думала, что Кир прилетел в Иркутск, чтобы показать тебе Байкал? Ерунда ка-

кая! Он даже эту Вику свою сюда не привозил, а они встретились года два вроде. И тут ты, лучшая подруга. Я знаю, что Кир любит меня давно.

— Почему же он тогда не признался в этом? Зачем уехал? Зачем встречался с Викторией столько времени?

— Бес попутал, — Марина рассмеялась своим звонким раскатистым смехом, но мне было совершенно не смешно.

— Всё дело в привороте, да? — я напрочь забыла о том, что эта тема для Ри была серьёзной, ведь она знала какую-то шаманку. Моя попытка перевести разговор в шуточное русло оказалась провальной и лишь сильнее накалила обстановку.

— Не стоит болтать о том, во что не веришь. Это не шутки. Я не собираюсь это обсуждать, — тон Марины резко изменился. Если до этого он был скорее пренебрежительным, то теперь звучал агрессивно и угрожающе.

— Прости, если что-то не то сказала. Я лишь хотела пошутить.

— Закроем тему, — Ри глубоко вдохнула носом и выдохнула через рот, стараясь успокоиться. Затем она повернулась, и на её лице вновь сияла та лёгкая искренняя улыбка, словно тёплое летнее солнце, внезапно выглянувшее из-за туч после бури. — Варенье облепиховое будешь?

Глава 9

Кир вернулся домой уже под утро. За окном начинало светать. Я слышала, как он вошёл в квартиру, хотя старался делать всё максимально тихо. Я сделала вид, что сплю крепким сном. Где он был всю ночь, с учётом погоды, я могла лишь предполагать. То ли слонялся по барам, то ли сцепился языками с какой-то компанией и кутил с ними до утра. А может, так и сидел на берегу реки с бутылкой виски — промок, замёрз и теперь первым делом полезет под горячий душ греться.

Кир тихонько прошёл на кухню. Судя по звону посуды, он достал с сушилки кружку и выпил воды. Потом направился в родительскую спальню и, кажется, лёг спать. В квартире вновь воцарилась тишина.

Я проснулась оттого, что в комнате стало невыносимо душно. Вчерашний ливень заставил меня закрыть форточку, и я не открывала до самого утра. А жаркое июльское солнце превратило небольшую комнату в парник для рассады. Я встала с кровати, настезь распахнула окно и дверь, чтобы хоть немного проветрить. Прислушалась — в квартире по-прежнему было тихо. Переодевшись, вышла на кухню. Настенные часы показывали 12:20. «Не может быть!» — подумала я и вернулась в комнату за телефоном. Разумеется,

часы на стене уже два года показывали одно и то же время: батарейка села, и время на них застыло навсегда. Я взглянула на экран — 10:16. Это было больше похоже на правду, но меня поразило, что Кир ещё не встал. Он ведь сам говорил, что жаворонок и всегда на ногах с семи утра — даже после гулянок.

Я открыла холодильник в надежде приготовить нормальный завтрак. Мне удалось найти яйца, молоко, хлеб, помидоры и сыр. Набор продуктов идеально подходил для омлета с помидорами. Я принялась за дело. Мне нравилось готовить — это было моей медитацией. Когда-то я хотела уйти в колледж после девятого класса и стать поваром, но мама сказала, что надо непременно закончить одиннадцать классов, а повар — это вообще не профессия. До сих пор жалела, что тогда не настояла на своём.

В холодильнике не оказалось сливочного масла. «Ну да, откуда ему взяться-то!» — пробурчала я и стала искать подсолнечное. Пару лет назад я посмотрела видео какого-то европейского повара, который почти всё жарил на сливочном масле — якобы так вкуснее. Я попробовала — и вправду оказалось вкуснее! С тех пор даже мясо жарила на сливочном, что уж говорить об омлете. В одном из запylённых временем кухонных шкафов мне удалось обнаружить начатую бутылку растительного масла. Бутылка была неприятная: липкая, покрытая пятнами и пылью. Я разогрела сковородку и влила немного масла. По кухне моментально разнёсся запах

жареных семечек.

Параллельно с приготовлением омлета я поставила кипятиться чайник, чтобы сварить кофе, но тут вспомнила, что его-то Кир не купил, а вчера я и сама забыла. Мелькнула мысль сбегать за кофе к Марине, но после вчерашнего разговора идти к ней не хотелось.

В этот момент я услышала в коридоре шаги Кира. Он зашёл на кухню и молча сел на табуретку у стены.

— Ты как? Выглядишь помятым, не похоже на тебя, — с лёгкой иронией сказала я, прикрыв сковородку крышкой и убавив огонь.

— Ночка выдалась непростая. Попозже расскажу. У тебя есть что-нибудь от головы? Трещит так, будто вот-вот разорвётся.

Я кивнула и вышла в прихожую. У меня часто болела голова, поэтому в рюкзаке всегда болтался блистер с анальгином. Вернувшись на кухню, протянула Киру таблетку и налила воды в кружку.

— А вы как вчера посидели? Весело было? — Кир закинул таблетку в рот и жадно запил водой. — Ди, налей ещё водички.

— Слушай, ну как посидели... Честно говоря, Марина меня немного напугала. Ты не замечал за ней резких смен настроения и навязчивых мыслей? — ответила я, поставив перед Киrom кружку с водой.

— Что она тебе рассказала? Что у нас любовь, которую

не разрушили ни время, ни расстояние? — Кир допил воду, откинулся спиной к стене и с ухмылкой посмотрел на меня.

— Типа того. А когда я спросила про любовный приворот, она так разозлилась! Думала, чашку с чаем мне прямо в голову швырнёт.

Пока я делилась с Киром эмоциями от вчерашнего вечера, раскладывала омлет по тарелкам и наливала чай, он безразлично смотрел в одну точку. Казалось, эта история его ни капельки не удивила.

— Ди, ты не воспринимай её слова всерьёз. У неё юмор такой странный. Ты же адекватный, критически мыслящий человек — ну какие привороты? Я тебе говорил, у неё сложно с парнями. Вернее, вообще никак. А со мной у неё случился этот, как его... Ты ж у нас в психологии разбираешься, скажи!

— Трансфер?

— Какой ещё трансфер? — с непониманием спросил Кир.

— Ну, психологический перенос.

— Да, он самый! Я же вступался за неё, защищал, старался всегда помогать. Она расценила это как некие романтические чувства. И переубедить её не удаётся. Ей бы к психологу, но она отказывается.

— Или к психиатру, — мрачно добавила я. — Она увидела в тебе фигуру отца, который всегда готов оградить свою девочку от бед и наказать обидчиков.

Кир укоризненно посмотрел на меня, слегка поджав губы

и наклонив голову.

— Ладно, товарищ Фрейд. Кушать мы будем или что?

— А то! Приятного аппетита! — я поставила перед Киrom тарелку с омлетом.

— Ммм, божественно! — выдал Кир, закатив глаза.

Я не стала расспрашивать Кира о том, где он был ночью, что происходило и почему решил побыть один. Он не любил подобных разговоров, предпочитал держать переживания в себе. Хоть он и обещал сам всё рассказать позже, скорее всего, постарался бы избежать этой темы.

Планы на день были многообещающими. Кир предложил доехать до Академгородка, погулять в дендропарке, сходить в музей науки и планетарий. Мы уже допивали чай, когда услышали стук в дверь. Звонок давно не работал, но, поскольку в квартире никто не жил постоянно, никого это не беспокоило. Я вопросительно взглянула на Кира.

— Это Ринка, наверно. Может, решила поделиться идеями насчёт водного маршрута на Ольхон.

Пока Кир ещё не ушёл открывать дверь, я быстро задала ему один вопрос, который волновал меня больше всего:

— Кир, ты уверен, что стоит плыть с Ри на Ольхон? Она точно справится с лодкой?

Он не ответил, только фыркнул и вышел в коридор. За дверью действительно стояла Марина. В руках она держала керамическую круглую форму с яблочным пирогом. Сладкий аромат яблок и корицы заполнял прихожую и постепен-

но растекался по коридору и кухне.

— Ри, какая красота! Заходи, как раз чай пьём.

Я налила ещё одну кружку чая и поставила её на стол. Марина вела себя подозрительно тихо и первое время вообще ничего не говорила.

— Дина, я хотела извиниться перед тобой. Вчера наговорила тебе всякого, напугала, наверно. Извини, я могу объяснить.

Марина начала рассказывать историю, о которой, кажется, не знал даже Кир. Оказалось, что в тринадцать лет ей диагностировали пограничное расстройство личности. Поскольку она не наблюдалась долго у врачей и толком не проходила никакого лечения, с возрастом ситуация стала ухудшаться. Появилось рискованное поведение, злоупотребление алкоголем и самоповреждение. Много лет она скрывала это от своего лучшего друга.

Кир смотрел на неё удивлённо, будто не верил, что всё это происходит на самом деле. Когда Ри завершила свой монолог, Кир встал со стула и пошёл налить себе ещё чаю.

— Ри, сейчас-то ты на таблетках?

Марина отрицательно помотала головой, а глаза её слегка заблестели от подступавших слёз.

— Нет, я ничего не принимаю. Мне очень тяжело, но я не могу решиться пойти к психиатру. Ты уехал в Москву, мама решила налаживать собственное счастье и уехала со своим мужчиной в Ангарск. У меня было ощущение, что меня все

бросили. Без поддержки я абсолютно не понимала, что делать и куда идти за помощью. Появился навязчивый страх, что если я расскажу кому-то, меня тут же отправят в психушку, будут пичкать таблетками, и я тогда больше никогда не смогу работать.

— Мда, ситуация-с, — многозначительно сказал Кир и сел обратно за стол. — Хочешь, давай вместе сходим к врачу? Я пойду с тобой в качестве поддержки. Уверен, всё обойдётся рецептурными препаратами. Будешь пить таблетки, и всё стабилизируется.

— Ты не совсем понимаешь. Я ещё не всё тебе рассказала. Марина встала со стула и приподняла оранжевую футболку с изображением милого серого котёнка так, чтобы мы увидели её живот. Он весь был усыпан длинными тонкими розоватыми рубцами. С левой стороны виднелись четыре новых пореза. Я застыла в ужасе. Мне приходилось видеть следы селфхарма, но, как правило, это было несколько небольших шрамов на руке. Марина делала это явно не один раз, а систематически.

— Из-за этого я думаю, что меня отправят на принудительное лечение.

— Блин, Ри, почему же ты раньше не сказала, что тебе настолько плохо? — Кир встал и крепко обнял подругу. Из её глаз потекли слёзы. Она уткнулась ему в плечо и тихонько заплакала. Я молча наблюдала за ними и не знала, стоит ли что-то говорить. Как будто это было не моё дело. Я встала и

ушла в комнату, закрыв дверь. Села на кровать и стала искать в интернете информацию о пограничном расстройстве.

Минут через пятнадцать Марина и Кир зашли ко мне в комнату. Ри уже успокоилась и выглядела будто счастливой. Кир тоже казался спокойным и весёлым — от его встревоженного состояния не осталось и следа.

— Ну что, Ди, погнали гулять в Академ?

— Кир, ты что, не надо в Академ! — Ри схватила Кира за руку. — Там ужасная энергетика, не надо туда!

— Какая энергетика, Ри? Ты чего придумываешь? — Кир улыбнулся своей тёплой улыбкой и по-отечески прижал Марину к себе, положив руку на плечо.

— Ты, видимо, ничего не знаешь о криминальной сводке Иркутска за последние годы. Тут много всего произошло. Пару лет назад в Академе было несколько убийств, совершённых маньяками. Их посадили, но люди до сих пор боятся, что у тех парней могут найтись последователи. В вечернее время в Академе дежурили дружинники до какого-то момента, но сейчас уже нет, как будто правительство забыло и успокоилось. Но я бы не советовала туда ехать всё равно.

— Марин, думаю, ты перегибаешь палку. Всё будет нормально. Ди, давай собираться, выходить уже надо, если хотим всё успеть до темноты, — Кир подмигнул Марине и пошёл в комнату за рюкзаком.

Через полчаса мы уже сидели в душной маршрутке по пути в Академгородок. Мне стало интересно, правду ли расска-

зала нам Марина про маньяков, или это был плод её нездорового воображения. Я вбила в интернете «маньяки в Иркутске» и нашла множество статей о двух молодых парнях, которые совершили шесть жестоких убийств в большом лесопарке Академгородка.

— Слушай, Кир, так это не выдумка про маньяков-то, — шепнула я на ухо сидящему рядом другу, чтобы остальные пассажиры не услышали нашего диалога.

— Да, я знаю, — так же шёпотом ответил Кир. — Мы же с тобой не бабки, не дети и не бездомные, верно? По одному в темноте тоже гулять не планируем. Тогда нам нечего бояться.

Я привыкла доверять Киру, поэтому перестала переживать. Мы прекрасно провели время: много гуляли, ели мороженое, посетили разные музеи — увидели, кажется, всё, что можно посмотреть в Иркутске.

На утро следующего дня мы собирались ехать в Листвянку. Ехать на маршрутке предстояло чуть больше часа. Остановка была рядом с центральным рынком, где продавали специи, орехи, рыбу, сувениры и всевозможные варианты того волшебного древесного гриба — чаги. До маршрутки было ещё двадцать минут, и я попросилась пройти по торговым рядам, чтобы утолить своё любопытство.

— Сходи, конечно! Только не покупай ничего, а то не заметишь, как тебя до трусов разденут. На рынке люди такие — умеют убеждать, — рассмеялся Кир.

Я фыркнула и отправилась прогуливаться по рядам. Глаза разбегались от изобилия необычных продуктов. Продавали кедровые шишки с орешками, побеги папоротника, жвачку из смолы, пергу, сборы целебных трав. В рыбных рядах стоял непередаваемый копчёный запах, который усиливался по мере нарастания летней жары. Я засмотрелась на один из прилавков с украшениями. Разумеется, я не планировала ничего покупать, но разглядывать было крайне интересно. Время пролетело незаметно. Вдруг я услышала голос Кира, который звал меня садиться в маршрутку. Я вежливо попрощалась с продавщицей и побежала к остановке. Мы выбрали места в конце салона. Людей было много, кондиционера в маршрутке не было.

— Кир, дай водички. Я, кажется, бутылку свою не взяла с собой.

— Не дам, забыла — мучайся теперь, — с ухмылкой ответил он, но через несколько секунд уже доставал из рюкзака бутылку.

По дороге мы обсуждали планы: как побежим купаться в Байкале, как устроим пикник на берегу в качестве обеда. А послезавтра в Листвянку приедет Марина на машине брата и привезёт лодку. Мы спустим её на воду и отправимся на Ольхон.

Время в пути пролетело незаметно. Казалось, только что мы залезли в жаркую прокуренную маршрутку, а уже за окном виднелась бескрайняя гладь Байкала.

— Кир, это Байкал? Как будто море! Такой огромный! — с детской наивностью воскликнула я.

— Да, это он, красавец! — ответил Кир и мечтательно посмотрел в окно.

— А пляжи там какие? С песком или камушками? — не унималась я.

— В основном галечные. Не суетись, Ди, сейчас доедем — и всё посмотришь, — ответил Кир с улыбкой и положил свою руку на мою.

Когда-то белая, покрытая слоем пыли маршрутка подъехала к Листвянке. Мы вышли на остановке и первым делом отправились к лестнице, ведущей к самому берегу. Спустились, сели на тёплые камни, нагретые июльским солнцем. Поверхность озера была блестящей — так хотелось окунуться и нарушить эту идеальную гладь. Я сняла кеды и носки, закатала штанины джинсов. Кир удивлённо посмотрел на меня.

— Ди, ты сразу купаться собралась?

— Очень хочется! Не могу удержаться, — ответила я и бесстрашно вошла в ледяную воду.

Вода была настолько холодной, что ноги буквально начали неметь. Я продолжала заходить глубже. Решила зайти настолько, насколько позволят закатанные штанины. Я стояла по колено в воде и наблюдала за проплывающими мимо катерами.

— Как же хорошо! — тихо на выдохе произнесла я. Кир,

возможно, меня даже не услышал. Я обернулась и посмотрела на друга. Кир сидел на камнях и как-то печально смотрел вдаль. Я стала неторопливо возвращаться на берег. Кир заметил меня, правой рукой смахнул что-то с щеки и улыбнулся мне. Улыбка не была счастливой — скорее наполненной тоской.

— Кир, ты чего? Плачешь? — встревоженно спросила я.

— Не, ты чего, Ди! Соринка в глаз попала, всё уже хорошо. Как водичка?

— Обжигаете холодная. Леденящая даже. Наверно, если долго плавать, то ноги может судорогой свести.

— Да, так и утонуть можно. Байкал коварный, это точно, — Кир кивнул головой, будто сам соглашаясь со своими словами. Он жестом указал мне на большой плоский камень, предлагая сесть и погреть ноги на солнце. Я села рядом и тоже стала смотреть вдаль.

— Кир, ты что ли? — окликнул хриловатый мужской голос.

Кир обернулся и помахал незнакомцу рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.